

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

*На правах рукописи*  
УДК: 39/18/19(575.121)

**АШИРОВ АДХАМЖОН АЗИМБАЕВИЧ**

**ДРЕВНИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ  
БЫТУ УЗБЕКСКОГО НАРОДА**  
(по материалам Ферганской долины)

**07.00.07 – Этнология**

**А В Т О Р Е Ф Е Р А Т**

**диссертации на соискание ученой степени  
доктора исторических наук**

**Ташкент – 2008**

Работа выполнена в отделе «Этнология» Института истории Академии наук Республики Узбекистан

**Научный консультант:** доктор исторических наук, профессор  
**Исхаков Мирсадик Мирсултанович**

**Официальные оппоненты:** доктор исторических наук, профессор  
**Дониёров Алишер Худойбердиевич**  
доктор исторических наук, профессор  
**Муминов Аширбек Курбанович**  
доктор исторических наук  
**Абдуллаев Улугбек Сайданович**

**Ведущая организация:** Национальный университет Узбекистана  
им. Мирзо Улугбека

Защита состоится «19» июня 2008 г. в 10.<sup>00</sup> часов на заседании Объединенного специализированного совета Д.015.09.01. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнология при Институте истории Академии наук Республики Узбекистан (100170, г. Ташкент, ул. Муминова, 9).

Тел.: (99871) 262-38-73, факс: (99871) 262-93-51, e-mail: [tarih@uzsci.net](mailto:tarih@uzsci.net)

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Академии наук Республики Узбекистан (100170, г. Ташкент, ул. Муминова, 13).

Автореферат разослан «19» мая 2008 г.

**Ученый секретарь Объединенного  
специализированного совета,  
доктор исторических наук**

**Г.А. Агзамова**

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

**Актуальность работы.** С древних времен в центральноазиатском регионе, в том числе на территории современного Узбекистана, сосуществовали различные верования и религиозные культы (предков, умирающей и воскресающей природы, животного и растительного мира, аграрные) и такие оформившиеся религиозные системы, как зороастризм, буддизм, манихейство и христианство.

Как отметил Президент Узбекистана И.А. Каримов, «эта древняя и священная земля взрастила великих ученых, мыслителей, политиков, полководцев. На этой земле закладывались и развивались основы религиозных и светских наук»<sup>1</sup>.

Сосуществование различных религий и верований было характерно и для Ферганской долины<sup>2</sup>. С распространением и доминированием в регионе ислама архаические обряды не исчезли, адаптируясь и имплантируясь в ислам, они образовали с ним новый *обрядно-мировоззренческий симбиоз*, и в этом трансформированном и по своей сути синкретичном виде сохранились до настоящего времени. Данная особенность местной обрядовой практики – синкретизм доисламских и исламских компонентов – является весьма существенной для понимания исторических основ и специфики традиционного образа жизни и мировоззрения узбекского народа. Кроме того, она даёт ключ к пониманию *регионального своеобразия* самого ислама (в его местных, бытовых формах) в Центральной Азии. В этой связи исследование реликтов древних религиозных верований с историко-этнологических позиций имеет важное научное и практическое значение.

В целом актуальность избранной темы определяется следующими факторами:

– как в отечественной, так и в зарубежной этнологии, элементы древних религиозных верований в традиционном и современном образе жизни народов центральноазиатского региона до настоящего времени не выступали в качестве объекта специального и комплексного исследования;

– существующие представления о культуре, идеологии, традициях и обрядности народов региона в доисламский период нуждаются в переосмыслении с позиций новейших достижений современной науки, что, в свою очередь, даёт возможность осуществить полноценный анализ генезиса и эволюции различных обычаев и обрядов, обусловивших особенности традиционного образа жизни узбеков;

---

<sup>1</sup> Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего / Свое будущее мы строим своими руками. – Т.: Ўзбекистон, 1999. Т. 7. – С. 128.

<sup>2</sup> См.: Булатова В.А. Древняя Кува. – Т., 1974. – С. 51-93; Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. – М., 1982. – С. 88-116; Горбунова Н.Г. Некоторые особенности формирования древних культур Ферганы // АСГЭ. Вып. 25. – Л., 1984. – С. 99-108; Богомолов Г.И. К вопросу о верованиях и культовых местах Ферганы // Роль города Маргилана в истории мировой цивилизации. – Т., 2007. – С. 93-97.

– изучение обычаев и обрядности в жизни узбеков Ферганской долины, связанных с реликтовыми верованиями, проливает свет на древние представления об окружающем мире и на ранние религиозные воззрения;

– этнологический срез исследования религиозного мировоззрения узбеков дает возможность по-новому взглянуть на место и своеобразие исламской традиции в локальной культуре. В отличие от собственно исламоведческих исследований в рамках диссертации предпринята попытка изучения местных форм бытового ислама в ракурсе региональной этнокультуры;

– научный анализ обычаев и обрядов, связанных с традиционным образом жизни узбекского народа, служит обогащению знаний о его этнонациональной психологии и культуре. Он также имеет большое значение при исследовании исторических основ феномена толерантности в системе религиозных верований и ценностных ориентаций узбекского народа.

**Степень изученности проблемы.** Несмотря на то, что изучаемая проблема не выступала в качестве самостоятельного объекта специального комплексного исследования, она имеет свою историографию. Анализ научных публикаций и диссертационных исследований, затрагивающих различные аспекты избранной темы, освещается в первой главе диссертации. В целях реализации системного подхода историография данной темы разделена на следующие классификационные группы, обладающие внутренним понятийным, методологическим и идеологическим единством: 1) древние и средневековые источники; 2) литература конца XIX – начала XX в.; 3) исследования советского периода; 4) работы периода независимости; 5) зарубежные публикации.

**Связь диссертационной работы с тематическими планами НИР.** Тема настоящего диссертационного исследования имеет непосредственное отношение к проекту ГНТП «Этнические взаимодействия народов Узбекистана (историко-этнографическое исследование)», выполненному отделом «Этнология» Института истории АН РУз. Кроме того, отдельные положения и выводы диссертации связаны с нынешними научно-исследовательскими проектами Института истории по темам «Современные узбеки: историко-этнологическое исследование» и «Этническая идентичность узбеков: трансформация и развитие».

**Цель и задачи исследования.** Основной целью исследования является изучение реликтов древних религиозных верований в традиционном быту узбеков Ферганской долины.

Исходя из данной цели, в диссертации ставятся следующие задачи:

– описать историю возникновения древних религиозных верований (тотемизма, шаманизма, магии, зороастризма и др.) и охарактеризовать их сущность;

– ввести в научный оборот новые материалы, отражающие локальные особенности религиозных воззрений, традиций и обрядов, практикующихся в среде узбеков до настоящего времени;

- определить степень исламизации доисламских верований, раскрыть механизм взаимодействия ислама с древними культурами;
- проследить симбиоз доисламских верований и ислама в хозяйственной жизни узбеков, в частности, в земледелии и скотоводстве;
- выявить место и значение древних культов, связанных с традиционным хозяйствованием, в повседневном укладе жизни и системе духовного мировоззрения народа;
- исследовать проявления древних религиозных верований в материальной культуре узбеков Ферганской долины, в частности:
  - в традиционном жилище, его видах и особенностях;
  - в национальной одежде и украшениях;
  - в приготовлении ритуальных блюд;
- осуществить анализ обычаев и обрядов, связанных с рождением и воспитанием ребенка;
- выделить архаические проявления древних верований в брачных традициях и погребальных ритуалах узбеков Ферганской долины;
- рассмотреть генезис и эволюцию отдельных обычаев, обрядов и традиций, входящих в данный цикл.

**Хронологические рамки исследования** охватывают обширный исторический период, включающий в себя генезис древних религиозных верований, обычаев и обрядов, их последующую эволюцию, связанную с распространением ислама, а также с советизацией общественного сознания в XX веке, и, наконец, их трансформацию в эпоху современных процессов глобализации.

Широта хронологических рамок объясняется сравнительной узостью предметного поля исследуемой проблематики и поставленными задачами ее изучения в историко-эволюционном разрезе.

**Объект и предмет исследования.** Объектом диссертации выступают древние религиозные верования и их трансформировавшиеся реликты, сохранившиеся в укладе хозяйствования, материальной культуре и семейно-бытовой обрядности узбеков Ферганской долины, а также их синкретическая взаимосвязь с исламскими традициями. Предметом исследования является изучение на основе историко-этнографических материалов и научной литературы места и роли традиций и обрядов, связанных с древними верованиями в традиционном быту узбекского народа.

**Методы исследований.** Общепринятый в исторических и этнологических исследованиях принцип историзма, сравнительный и комплексный анализ, а также современные методы этносоциологии: включенное наблюдение, индивидуальное и экспертное интервью, фокус-групповой опрос, анкетирование, видео- и фотодокументирование.

Теоретической основой исследования следует считать концепцию «Истории государственности узбекского народа», в которой сформулированы основные методологические направления развития отечественной исторической и этнологической науки. Важную роль в

процессе подготовки настоящей диссертации сыграли концептуальные положения и методологические подходы, сформулированные в трудах ряда исследователей, занимавшихся изучением религиозных верований и обрядности: Дж. Фрэзера, Э. Тайлора, Э. Эванс-Притчарда, Б. Малиновского, А. Инона, М. Бойс, К. Йеттмара, М. Элиаде, Г.П. Снесарева, С.А. Токарева, В.Н. Басилова, К.Ш. Шаниязова, И.М. Джаббарова, М.М. Исхакова.

**Источниковая база исследования** представлена разноплановым материалом, который по характеру данных и значимости в разработке исследуемой проблемы разделен на следующие группы:

а). Материалы полевых этнографических исследований, собранные диссертантом в 1996–2006 гг. в областях Узбекистана (Андижанской, Наманганской, Ферганской), Кыргызстана (Ошской, Джалалабадской, Баткентской) и Таджикистана (Согдийской). Полевые исследования проводились в индивидуальных экспедициях, в составе «Этнографической экспедиции по Ферганской долине» отдела «Этнология» Института истории АН РУз, а также в рамках ряда международных исследовательских проектов.

Проведению полевых исследований предшествовала значительная подготовительная работа, в рамках которой были определены территориальные границы исследуемого региона (область, район и населенный пункт), а также прорабатывалась соответствующая литература. При выборе населенного пункта для стационарного исследования особое внимание уделялось изучению этнического состава местного населения и специфики традиционной хозяйственной деятельности, быта и духовной культуры.

Для осуществления сравнительного анализа был привлечен ценный фактологический материал, полученный в ходе проведения полевых изысканий в селениях, где наряду с оседлым узбекским населением проживают представители таких этнографических и субэтнических групп, как *тюрки, кипчаки, курама, минги, юзы*, которые в сравнительно недавнем прошлом вели полуседлый образ жизни.

Полевые исследования включили в себя проведение индивидуальных, экспертных, фокус-групповых опросов и комплексных интервью, при этом отдельные сведения фиксировались на бумаге, велась видео- и фотосъемка.

В рамках настоящего исследования было опрошено более 200 респондентов в возрасте 60-95 лет, знакомых с обрядовой практикой местного населения региона и являющихся ее непосредственными носителями.

б). Письменные источники, содержащие информацию о традициях, обрядовой практике и верованиях населения Ферганской долины. В числе наиболее ранних письменных памятников такого рода следует отметить Авесту. Непосредственное значение для диссертации имели Коран и хадисы, «Памятники минувших поколений» Абу Райхана Беруни, «Словарь тюркских наречий» Махмуда Кашгари, «История Бухары» Абу Бакра Мухаммад Наршахи, а также историко-этнографические труды средневековых авторов – Мирзо Улугбека, Захириддина Мухаммада Бабура и Насируддина Бурхануддина Рабгузи.

в). Экспонаты из фондов Музея истории Узбекистана, Музея истории культуры Узбекистана, Музея искусств и краеведческих музеев Ферганской долины. Древние и средневековые настенные росписи, открытые в результате археологических раскопок, отражающие те или иные грани ранних верований, также легли в источниковую базу диссертации.

При разработке данной темы диссертант опирался на научную литературу, созданную предшествующими поколениями исследователей.

В процессе работы был осуществлен сравнительный анализ обширного этнографического материала, касающегося узбеков не только Ферганской долины, но и других историко-этнографических регионов.

Привлечение разнохарактерного источникового материала и его анализ позволили диссертанту воссоздать не только в целом, но и во многих деталях, картину реликтов древних верований в традиционном образе жизни узбеков Ферганской долины, а также внести определенные пояснения в реконструкцию их исторических основ.

#### **Основные положения, выносимые на защиту:**

1. В категориальном отношении содержание синкретизма доисламских и исламских компонентов в центральноазиатском регионе может быть обозначено как *обрядово-мировоззренческий симбиоз*, имеющий константную природу. Данный синкретизм является существеннейшей чертой мировоззрения узбекского народа.

2. Шаманство народов Ферганской долины (узбеков, таджиков, киргизов, уйгуров и т.д.), несмотря на локальные различия, представляет собой единое историко-культурное явление. Во-первых, в отличие от реликтов тотемизма, анимизма, фетишизма и магии, сохранившихся в Ферганской долине в универсально-общечеловеческой форме, шаманство в этом регионе имеет ярко выраженную специфику (скотоводческую и земледельческую), что связано с оформлением данного религиозного верования и соответствующей ритуальной практики в эпоху общественного разделения труда, когда формируются ареальные хозяйственно-культурные типы, наложившие свой отпечаток на мировоззрение населения региона. Во-вторых, общность шаманского культа в регионе, как и в Центральной Азии в целом, заключается в его исламизации.

3. Компаративистско-генетический анализ культов зороастризма и традиционной земледельческой культуры узбекского народа позволяет говорить: 1) о сходстве культа авестийского божества *Митры* и культа покровителя земледелия *Бобо-дехкана* и 2) об их генетической преемственности.

4. Существование и дальнейшая имплантация элементов древних и политеистических верований в монотеистическую структуру ислама (возникновение так называемого бытового «народного ислама», то есть ислама в том виде, в каком он реально существует в народной жизни) связываются: 1) с частичным пересечением узкой сферы функционирования доктринального ислама и огромной области бытовых верований и

представлений народа, 2) с большим разнообразием носителей контрольно-интерпретационного знания, и 3) их межпоколенной трансмиссии на протяжении многих веков.

**Научная новизна исследования** заключается в том, что реликты древних верований в традиционном образе жизни узбеков Ферганской долины впервые выступают в качестве объекта специального комплексного историко-этнологического исследования. Кроме того, новым в реферируемом исследовании является следующее:

- в контексте сопоставительных категорий «общее» и «особенное» рассмотрена история возникновения, формирования и консервация ранних религиозных верований в Ферганской долине;

- введены в научный оборот новые этнографические материалы о реликтах обрядов, обычаев и верований, связанных с различными тотемами; дан классификационный перечень тотемов Ферганской долины, оставивших свой след в этнонимах, топонимах, фольклоре и обрядовой символике; показаны различия между культурами животных и растений, имеющих тотемное происхождение, и более поздними культурами;

- исследованы происхождение, эволюция и локальный вариант шаманства как социального явления. Впервые осуществлен детальный анализ эволюции шаманской традиции, культов духов-покровителей, атрибутики и обрядово-ритуальной практики в Ферганской долине. В диссертации на основе полевых этнографических материалов и научной литературы, посвященной шаманству, рассмотрены имеющие значение для понимания шаманства в целом проблемы «шаманской болезни», экстаза, личности шамана, генезиса образов духов и дано историческое объяснение данному феномену;

- на основе сравнительного анализа культов зороастризма и традиционной земледельческой культуры узбекского народа впервые выдвинуто положение о генезисе и преемственности культов покровителя земледелия *Бобо-дехкана* и авестийского божества *Митры*; показана большая сохранность реликтов зороастризма у потомков оседло-земледельческих народов, нежели кочевых;

- дано историческое объяснение существования и дальнейшей имплантации элементов доисламских верований (веры в духов-покровителей, тотемы, фетиши, магию и др.) в монотеистическую структуру ислама;

- выявлены и описаны реликты древних религиозных верований в сакральных символах и ритуальных жертвоприношениях, связанных с материальной культурой (жилищем, одеждой и пищей) узбеков Ферганской долины;

- впервые осуществлен анализ архаических представлений о макро- и микромирах, легших в основу обрядово-ритуальной практики, связанной с традиционным жилищем и отдельными его компонентами: порогом, дверью, окнами и др.;



– прослежено влияние ритуалов, основанных на древних религиозных верованиях, на формирование этнопсихологии и этнической культуры узбекского народа.

**Научная и практическая значимость результатов исследования** заключается в следующем:

– материалы диссертации могут быть использованы при изучении доисламских религиозных верований и идеологических воззрений на территории центральноазиатского региона, а также в комплексных религиоведческих исследованиях, проводимых на основе историко-этнографических материалов. Они могут также представлять интерес в качестве источниковой основы в ходе классификационно-сравнительного изучения истории этнокультуры и религиозных верований народов Востока и при написании научных и популярных работ по истории края;

– изложенные в работе положения могут способствовать более глубокому пониманию мировоззренческих корней идеи национальной независимости. Они могут быть использованы в ходе проведения семинаров, чтения спецкурсов в Научно-практическом центре национальной идеи и идеологии, Центре духовного просвещения, а также в процессе подготовки культурно-массовых мероприятий и при проведении просветительской работы по ознакомлению широких слоев населения с духовной историей родного края;

– материалы диссертации могут быть использованы в лекционно-преподавательской деятельности, при подготовке учебников и учебных пособий по истории религии и этнологии для студентов высших и средних специальных учебных заведений, а также для создания веб-страниц по этнографии узбекского народа и истории религии.

**Реализация результатов.** На основе материалов диссертации разработан курс «Древние верования и обряды народов Средней Азии» для исторических факультетов высших учебных заведений. Результаты исследования также были применены при подготовке учебного пособия «Этнология».

**Апробация работы.** Основные положения и результаты исследования были представлены диссертантом в виде тезисов и докладов на 25 международных и республиканских научных конференциях, таких как «Авеста» и ее место в развитии человечества» (Ташкент–Ургенч, 2001 г.), «Маргуланские чтения-14» (Шымкент–Алматы, 2002 г.), «XX век в истории Центральной Азии» (Ташкент, 2004 г.), «Традиционные и современные этнокультурные процессы в Центральной Азии» (Ташкент, 2005 г.), «Историческая наука в Узбекистане: достижения и проблемы развития» (Ташкент, 2006 г.), «Исламские ценности Центральной Азии: толерантность и гуманизм» (Ташкент, 2007 г.), «История медицины тюркского мира» (Конья, Турция, 2008 г.) и др.

Диссертация обсуждалась на заседании отдела «Этнология» Института истории АН РУз, на научно-практических семинарах в Наманганском государственном университете и Каршинском государственном университете.

**Опубликованность результатов исследования.** Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в 56 публикациях (одной монографии, одном учебном пособии, одной брошюре и более чем в 50 статьях в научных журналах и сборниках).

**Структура и объем диссертации.** Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации составляет 315 листов. Работа написана на узбекском языке.

В качестве приложения представлены список информаторов и фотографии, отражающие проявления реликтов древних религиозных верований в традиционном быту узбеков Ферганской долины.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, освещена степень разработанности проблемы, определены хронологические рамки, цель и задачи диссертации, ее научная новизна, охарактеризованы теоретическая и методологическая база, дана информация об апробации и структуре работы.

В **первой главе «Методология исследования древних религиозных верований и историография изучаемой проблемы»** представлены сложившиеся теоретико-методологические подходы к изучению генезиса, эволюции и классификации древних верований и рассмотрена историография проблемы.

Ранние формы религии (тотемизм, фетишизм, культ предков, анимизм и др.) возникают и развиваются в рамках первобытно-общинного строя и его разложения. В силу универсальности данной ступени общественного развития они также носят универсальный характер, в то время как развитые религиозные системы ограничены территориально-временными рамками и количеством своих приверженцев. В отличие от поздних религиозных систем, которые имеют своих персонифицированных создателей, ранние религиозные верования возникают как необходимый, стихийный и естественный продукт первичной ступени общественного развития.

В силу своего универсализма ранние религиозные верования существуют как некое целое, состоящее из одних и тех же компонентов – фетишей, магических приемов, культовых обрядов, сакральных мест и т. д. Однако у каждого народа они образуют некоторое неповторимое единство, которому перечисленные выше элементы присущи в разной степени и в различных вариациях. И в то же время всем этим религиям свойственно нечто общее, поскольку они образуют единое целое – религию

«первобытных» культур, отличную от всех других в своих фундаментальных основаниях.

Одним из сложнейших вопросов изучения древних религий является проблема их генезиса и классификации.

Собственно научное исследование древних религий начинается с середины XIX в. Ведется изучение мифологии как предтечи религии; развивается сравнительное религиоведение на основе артефактов культуры, этнологии и антропологии (Дж. Фрэзер, Э. Тайлор, Л. Леви-Брюль); закладываются основы понимания религии как исторического явления (Б. Бауэр, Э. Ренан, У. Робертсон-Смит); зарождается и получает значительное развитие социология религии (Э. Дюркгейм, К. Маркс, В. Вебер, Б. Малиновский); складываются разные подходы к изучению религии как психологического феномена (У. Джемс, З. Фрейд, К. Юнг).

Сторонники мифологического объяснения генезиса религии (братья Я. и В. Гримм, В. Шварц, А.М. Хокарт, У. Робертсон-Смит, О.Ф. Миллер и др.) связывают происхождение религии с обожествлением природных стихий. Изучив огромный материал по истории древних мифов, сторонники данного направления дали толчок развитию ряда наук (этнографии, фольклористики и т.п.). Однако они не смогли осуществить убедительный анализ эволюции религии, а также сложных и развитых религиозных систем.

К 70-м годам XIX в. в объяснении генезиса и истории религии сформировалась «эволюционистская школа» (Г. Спенсер, Э. Тайлор, Дж. Фрэзер, Ф. Боас и др.)<sup>3</sup>. В рамках данного направления была прослежена связь генезиса религии с культом предков (Г. Спенсер), верой в существование души и духов (Э. Тайлор). Одной из важнейших сторон воззрений эволюционистов явилась концепция о культурном единстве человечества и общих законах развития культур всех народов от простых форм к сложным. Культурные различия, в том числе и религиозные, объяснялись следствием разных ступеней эволюции народов.

В основе теории религии Э. Дюркгейма – основоположника социологии религии – лежит изучение тотемизма. По Дюркгейму, религия есть ответ на определенные общественные условия и определенные социальные потребности<sup>4</sup>. Ученый обращается к изучению первобытных верований с тем, чтобы выявить элементарную форму религии (то есть то, что в религии является постоянным, неотъемлемо присущим ей во всех последующих модификациях), определить ее главную функцию в обществе.

В обзоре американского исследователя У. Уоллиса «первобытные» религии распределены по географическим (этнокультурным) ареалам, причем автор подчеркивает своеобразие каждого ареала<sup>5</sup>.

<sup>3</sup> См.: Спенсер Г. Основания социологии. – СПб., 1876. Т. 1; Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. 573 с.; Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1986. – 703 с.

<sup>4</sup> Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. – New York, 1961.

<sup>5</sup> Wallis W. Religion in primitive society. – New York, 1939.

В XVIII–XX вв. формируется и получает детальную разработку марксистская концепция происхождения и классификация религии. С точки зрения данной концепции, корни ранних религиозных верований необходимо искать в особенностях способа производства и общественных отношений первобытно-общинного строя. Выделяются гносеологические, психологические и социальные корни религии. Общим основанием для всех религий является вера в сверхъестественное.

Одна из марксистских версий генезиса и классификации древних религиозных верований, с учетом исторического контекста их происхождения, представлена в концепции А.Ф. Анисимова: на стадии «раннеродового общества» наиболее общим и адекватным его отражением является тотемизм; в эпоху «развитого материнского рода» — «антропоморфный культ природы и стихий» и «культ животных»; в эпоху «патриархально-родового общества» — антропоморфизм прежних зооморфных образов духов, в которых олицетворяются не только природные, но теперь уже и общественные силы — переход от женских к мужским олицетворениям, иерархия в мире духов-хозяев, отражающая социальную иерархию и патриархальный культ предков. В эпоху «военной демократии» складывается ранняя форма политеизма<sup>6</sup>.

Оригинальную концепцию классификации религии разработал известный этнограф и религиовед С.А. Токарев. Автор выступил против попыток классификации верований по их содержанию и объекту поклонения, существенным чертам религии (фетишизм, анимизм, магия), вследствие их «... слишком широкого объема», а также того, что их элементы имеются во всех верованиях<sup>7</sup>. В числе религиозных верований С.А. Токарев насчитывает пятнадцать религиозных верований, которые можно обозначить как самостоятельные и имеющие свою специфику: тотемизм, ведовство, знахарство, эротические обряды и культы, погребальный культ, раннеплеменной культ (инициации), промысловый культ, материнско-родовой культ святынь и покровителей, патриархальный семейно-родовой культ предков, шаманизм, нагуализм, культ тайных союзов, культ вождей, культ племенного бога, аграрные культы, магия, анимизм<sup>8</sup>.

Анализ исследований по истории религиозных верований показывает, что при их классификации важно опираться на критерии, которые должны исходить из общих для всех религий определений. При этой классификации следует исходить из основного содержания и главных признаков классифицируемой религии.

Другим важным вопросом изучения древних религиозных верований является проблема их происхождения.

---

<sup>6</sup> Анисимов А.Ф. Этапы развития первобытной религии. — М.–Л., 1967.

<sup>7</sup> Токарев С.А. Ранние формы религии. — М., 1990. — С. 25, 32, 34.

<sup>8</sup> Там же. — С. 621.

В 1781 г. К.В. Вольней разработал историю религии из последующих друг за другом 13 этапов<sup>9</sup>. О. Конт выдвинул теорию трехстадийной эволюции религии – фетишизм, политеизм и тотемизм<sup>10</sup>. Т. Ахелис также предложил подразделить эволюцию религии на три этапа: первый этап включает в себя фетишизм и анимизм; второй – политеизм и более развитые природные культы; и третий – этические религии, связанные с пришествием пророков и «божественными откровениями»<sup>11</sup>.

На рубеже XIX и XX веков распространение получила теория В. Шмидта о «*первобытном монотеизме*», как начальном этапе всякой религии, возникшей в результате божественного откровения<sup>12</sup>.

По гипотезе Г. Кунова первоначально возникли зачатки культа духов, которых считали сходными с людьми, в том числе в потребности в пище, что привело к возникновению обряда жертвоприношения. Следующим этапом в развитии верований был переход от культа духов к культу тотема и предков. Затем возникли представления о сотворении мира, о небе и аде. Далее сложилось обожествление предков и принесение им жертв. И, наконец, – переход от культа предков к культу природы. Таким образом, «из почитания духов возникает почитание предков, а из последнего, в свою очередь, в дальнейшем ходе развития возникает культ природы»<sup>13</sup>.

Изучая историю религии в различных цивилизациях, ученые приходят к важному выводу, что корни религиозных представлений и обычаев следует искать в том обществе, в котором они существуют, что важно определить функции обрядов, обычаев, представлений в данной социальной структуре.

Кроме того, тотемизм, фетишизм, культ предков, анимизм и т. д., в виде тех или иных элементов присущи всем религиям, особенно на ранних ступенях их развития. Однако у каждого народа они образуют некоторое неповторимое единство, своеобразное целое, поскольку представлены в нем в разной степени и в различных вариациях.

Определение сущности религии должно базироваться на вычленении универсальных элементов, свойственных всем религиозным формам, рассматриваемых в конкретно-историческом контексте, выводя тем самым данное определение на философское понимание религии как универсального историко-культурного феномена. Весьма важным в исторических исследованиях является компаративистский принцип: выявление сходства религиозных верований, существовавших в разное время и на разных территориях; определение заимствований и влияния ранее существовавших религий на более поздние.

---

<sup>9</sup> Вольней К.Ф. Избранные атеистические произведения. – М., 1962. – С. 14.

<sup>10</sup> Конт О. Курс позитивной философии. – СПб., 1910. – С. 11.

<sup>11</sup> См.: Ахелис Т. Очерк сравнительного изучения религии. – СПб., 1906. – С. 54–66.

<sup>12</sup> Schmidt W. Der Ursprung der Gottesidee. 6 Bde. – Münster, 1912 - 1935; Koppers W. Professor Pater Wilhelm Schmidt. Eine Würdigung seines wissenschaftlichen Lebenswerkes // Zeitschrift für Ethnologie. Band 79. – Braunschweig, 1954.

<sup>13</sup> Кунов Г. Возникновение религии и веры в бога. – М., 1921. – С. 144.

Вся литература, имеющая прямое и косвенное отношение к теме диссертационной работы, может быть подразделена на пять групп в соответствии с хронологическим, территориальным и методологическим принципами.

К первой группе диссертант относит древние и средневековые письменные источники, в той или иной мере затрагивающие проблему древних религиозных верований. Наиболее ранним из них является Авеста, в текстах и гимнах которой отразились древние религиозные традиции, предшествовавшие зороастризму, обожествление сил природы, поклонение солнцу, луне, огню, которые в последующем нашли отражение во многих обычаях и обрядах узбекского народа.

Одним из выдающихся средневековых произведений, в котором детально описаны древние религиозные верования и обряды различных народов (согдийцев, хорезмийцев, римлян и персов), можно по праву считать «Памятники минувших поколений» ал-Беруни<sup>14</sup>. Информацию по истории религиозных верований, обычаев и обрядов населения Средней Азии содержали и труды других средневековых авторов, в частности, Махмуда Кашгари<sup>15</sup>, Абу Бакр Мухаммада Наршахи<sup>16</sup>.

Вторая группа включает в себя комплекс научно-исследовательской литературы конца XIX – начала XX в. Именно в этот период с колонизацией Средней Азии Россией были осуществлены первые этнографические изыскания по изучению образа жизни и традиций народов региона, в частности были заложены основы научного изучения реликтов древних религиозных верований, базирующиеся на этнографических подходах. Говоря об исследованиях, в которых имеются данные по истории древних верований населения Ферганской долины, следует отметить «Очерк быта женщины туземного населения Ферганы», принадлежащий перу четы Наливкиных. В нем, наряду с освещением семейно-бытовой обрядности узбеков долины, приводятся и фрагментарные сведения об их древних верованиях<sup>17</sup>. Данная работа, основанная на результатах многолетних изысканий, содержит массу фактического материала и имеет важное значение для исследователей данного вопроса. Ценность ее заключается и в том, что описание различных видов семейных обрядов населения Ферганской долины второй половины XIX в. позволяет на основе сравнительного анализа проследить их эволюцию на протяжении различных исторических этапов.

Ценную информацию о реликтах древних верований в образе жизни населения Ферганской долины в начале XX в. можно почерпнуть в труде И.А. Кастанье, выявившего наличие доисламских культов (фетишизма, тотемизма) в мусульманских мазарах Северной Ферганы<sup>18</sup>. В этот период

---

<sup>14</sup> Абу Райхон Беруний. Қадимги халқлардан қолган ёдғорликлар / Танланган асарлар. – Т.: Фан, 1968. Т. 1. – Б. 231.

<sup>15</sup> Махмуд Кошғарий. Девону лугатит турк. – Т.: Фан, 1963. Т. 3. – 460 б.

<sup>16</sup> Наршахий Абу Бакр Мухаммад ибн Жаффар. Бухоро тарихи. – Т.: Фан, 1966. – Б. 26-27.

<sup>17</sup> Наливкин В.П., Наливкина М.В. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы. – Казань, 1886.

<sup>18</sup> Кастанье И.А. Историко-этнографическая поездка в Наманганский уезд Ферганской области // Оттиск из X тома Записок Туркестанского отделения ИРГО. – Т., 1914. – С. 3-30.

были опубликованы также работы А.Л. Погодина, С.Ф. Ольденбурга и К. Иностранцева, посвященные зороастрийским обрядам<sup>19</sup>.

Исследования этого времени создавались на основе личных наблюдений авторов, и, по сути, – пионерские, если говорить о научном освоении проблематики. Вместе с тем, следует отметить, что эти работы являют собой комплекс фрагментарных сведений, которые в основном имеют описательный характер и не содержат системного анализа религиозных верований населения региона.

К третьей группе относится литература, опубликованная с 20-х годов XX в. вплоть до 1991 г., т. е. в советский период. Этот значительный массив историко-этнографических и научных работ создан на основе принципов марксистско-ленинской и атеистической идеологии. Несмотря на определенную идеологическую предвзятость, она содержит ряд фундаментальных исследований, затрагивающих вопросы религии, религиозных обрядов и обычаев. В частности, теоретико-методологические аспекты данной проблемы получили освещение в исследованиях С.А. Токарева, Д.К. Зеленина, С.П. Толстова<sup>20</sup>. Вопросы истории религии нашли отражение в работах И.И. Скворцова-Степанова, А.И. Тюменева, Е.М. Ярославского, Л.Я. Штернберга, Н.П. Токина, В.К. Никольского<sup>21</sup> и др.

Наряду с обобщающими трудами по эволюции религиозных представлений, формируется корпус литературы по отдельным древним верованиям народов Центральной Азии. Так, среди трудов, посвященных зарождению тотемизма в регионе и его локальных особенностях, следует отметить исследования А.М. Золотарева, С.П. Толстова, А.П. Окладникова<sup>22</sup>. Этнограф А. Троицкая описала шаманский обряд изгнания духов в Самаркандской области и в Ташкенте<sup>23</sup>. В исследованиях М. Андреева и О.А. Сухаревой дан сравнительный анализ шаманской практики в Узбекистане и представление о шаманских духах-помощниках, а также сформулирована гипотеза о генетической связи суфизма и шаманизма<sup>24</sup>.

---

<sup>19</sup> См.: Погодин А.Л. Жизнь Зороастра. – СПб.: Изд-во Попова, 1903; Ольденбург С.Ф. Предисловие / Арнольд. Свет Азии. – СПб., 1906. – С. XX; Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. – СПб., 1909. – С. 88-100.

<sup>20</sup> Толстов С.П. Религии народов Средней Азии // Религиозные верования народов СССР. – М.-Л., 1931. – С. 241-364; Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. – М.-Л., 1936; Его же. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. – М.-Л., 1937; Токарев С.А. Религия в истории народов мира. – М., 1965; Его же. Ранние формы религии... – С. 21-42.

<sup>21</sup> Скворцов-Степанов И.И. Очерк развития религиозных верований. – М., 1921; Тюменев А.И. Возникновение религии и первые шаги религиозного развития // Записки научного общества марксистов. – 1922. – № 3. – С. 32-46; Его же. Первобытная религия // Записки научного общества марксистов. – 1922. – № 4. – С. 52-67; Ярославский Е.М. Как рождаются, живут и умирают боги и богини. – М., 1923; Токин Н.П. Очерк происхождения религиозных верований. – М., 1929; Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. – Л., 1936; Никольский В.К. Происхождение религии. – М., 1939.

<sup>22</sup> См.: Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. – Л., 1934; Толстов С.П. Древний Хорезм. – М.: МГУ, 1948. – С. 297-298; Окладников А.П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальцев в гроте Тешик-Таш. Южный Узбекистан. – М., 1949. – С. 77-81.

<sup>23</sup> Троицкая А.Л. Лечение больных изгнанием духов (кучурук) среди оседлого населения Туркестана // Бюллетень САГУ. – 1925. – № 10. – С. 145-155.

<sup>24</sup> Андреев М.С. Чильтаны в среднеазиатских верованиях. – Т., 1927. – С. 334-348; Сухарева О.А. О некоторых элементах суфизма, генетически связанных с шаманством // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. – М.-Л., 1959. – С. 128-133; Ее же. Ислам в Узбекистане. – Т., 1965. – С. 50-51.

До конца 1960-х годов изучение древних верований в традиционном образе жизни узбекского народа носит локальный, несистематизированный и описательный характер. Оформление системного исследования всего спектра домусульманских верований и обрядов на уровне региона – Хорезма – связано с фундаментальным трудом Г.П. Снесарева<sup>25</sup>. В нем описаны демонологические представления, проявления шаманизма, магии, тотемизма и зороастризма в похоронно-поминальной обрядности хорезмийцев. Другие исследования Г.П. Снесарева (1970-е годы) углубили научные представления о месте реликтов ранних верований в конкретных обрядах (*суннат-той*), представлениях (легенды о змеях) и культуре святых населения региона<sup>26</sup>.

Одновременно с региональным подходом формируется направление, базирующееся на предметном принципе, основанном на изучении проявления реликтов древних верований в тех или иных областях культуры. Так, подобный подход применительно к традиционной ритуальной одежде узбекского народа был реализован в работах О.А. Сухаревой, Г.А. Пугаченковой, В.А. Мешкерис, Н.П. Лобачевой, Х. Исмаилова и М. Рузиевой<sup>27</sup>.

В 70–80-х годах XX в. был подготовлен ряд фундаментальных статей и монографий, посвященных анализу древних верований в традиционном образе жизни народов Центральной Азии в целом<sup>28</sup>. С этого момента можно говорить о значительном расширении предметного поля изучаемой тематики, уже не сводящегося к локально-региональным и локально-предметным исследованиям. Одним из таких фундаментальных трудов стала коллективная монография, написанная О.А. Сухаревой, В.Н. Басиловым, О. Муродовым, К. Ниязкылычевым, Н.П. Лобачевой и Н.Г. Борозной<sup>29</sup>. В ней рассматриваются проявления ранних религиозных верований (демонологических представлений, шаманизма и др.) у различных этнических групп региона (узбеков, таджиков, туркмен, казахов). В книге также представлены шаманский фольклор и анализ среднеазиатского суфизма.

В другом коллективном труде «Древние обряды, верования и культуры народов Средней Азии» представленную авторами тематику можно условно

<sup>25</sup> Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969. – 336 с.

<sup>26</sup> Снесарев Г.П. К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте // Занятия и быт народов Средней Азии. – Л., 1971. Т. 3. – С. 256-272; Его же. Под небом Хорезма. – М.: Мысль, 1973. – 160 с.; Его же. Как вы относитесь к змеям? (Легенды и верования, связанные со змеями на территории Узбекистана) // Наука и религия. – 1983. – № 3. – С. 46-49.

<sup>27</sup> Сухарева О.А. Древние черты в головных уборах народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник (далее – СЭС). – М., 1954. – С. 299-353; Пугаченкова Г.А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV – первой половины XVI в. по данным миниатюр // Труды САГУ. Вып. 81. – Т., 1956. – С. 85-119; Мешкерис В.А. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках Согда // Костюм народов Средней Азии. – М., 1986. – С. 13-18; Лобачева Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным настенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. – М., 1986. – С. 18-48; Исмоилов Х. Анъанавий ўзбек кийимлари (XIX аср охири – XX аср боши). – Т.: Фан, 1979; Рузиева М. Посмертная и траурная одежда узбеков г. Ташкента // Костюм народов Средней Азии. – М., 1986. – С. 169-174.

<sup>28</sup> Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972. – 168 с.; Басилов В.Н. Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии // Фольклор и историческая этнография. – М., 1983. – С. 44-56; Его же. Избранники духов. – М.: Политиздат, 1984. – 208 с.; Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. – М., 1984.

<sup>29</sup> Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – 338 с.



подразделить на две проблемные группы<sup>30</sup>. Первую составляют вопросы, посвященные различным аспектам земледельческих верований и обрядов (Н.П. Лобачева, О.А. Сухарева, Б.Х. Кармышева, И. Мухиддинов). Разделы, рассматривающие практику иррациональной народной медицины, связанную с магией, анимистическими способами исцеления и предохранения от болезней (разделы В.Н. Басилова, Х. Исмаилова и К. Тайжанова, Г.П. Васильевой), составляют вторую группу. С позиции реферируемого исследования особый интерес представляет работа Б.Х. Кармышевой, посвященная погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганской долины, в которой впервые рассмотрен вопрос об архаической символике похоронно-поминальных обрядов ферганцев и охарактеризованы отдельные реликты древних верований в ритуалах данного цикла.

Наряду с коллективными трудами необходимо отметить и индивидуальные монографии, занявшие важное место в историографии исследуемой темы. Так, в монографии «К этнической истории узбекского народа» известного отечественного этнолога К.Ш. Шаниязова следам древних верований в семейно-бытовых обрядах кипчаков Ферганской долины посвящена отдельная глава<sup>31</sup>.

В целом можно констатировать, что в течение советского периода была создана значительная база в научном изучении древних религиозных воззрений и их проявлений в обрядовой практике населения Центральной Азии<sup>32</sup>. Однако наряду с сугубо научными исследованиями существовал целый пласт публикаций, основанных на жестких клише атеистической пропаганды. Кроме того, реликты древних верований, как и религии в целом, рассматривались сквозь призму архаических пережитков.

Отечественные публикации, подготовленные после обретения Узбекистаном независимости и отличающиеся в значительной степени инновационным характером теоретико-методологических подходов и широким охватом тематических направлений, выделены в отдельную четвертую группу. В рамках этого историографического этапа были предприняты новые методологические разработки, связанные с отказом от многих парадигм советского периода, а также углублением прежних направлений исследований.

Работы данной группы можно подразделить по следующим принципам: источниковедческому, региональному и предметному.

---

<sup>30</sup> Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. – М.: Наука, 1986. – 206 с.

<sup>31</sup> Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. – Т., 1974. – С. 326-333.

<sup>32</sup> Басилов В.Н. Культ святых в исламе. – М.: Мысль, 1970. – 144 с.; Его же. Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии // Фольклор и историческая этнография. – М., 1983. – С. 44-56; Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. – М.: Наука, 1971. – 121 с.; Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972. – 168 с.; Мирхасилов С.М. К изучению реликтов доисламских верований у узбеков в дореволюционном прошлом // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. – Т., 1972. – С. 160-162; Есбергенов Х., Атамуродов А. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. – Нукус: Каракалпакистан, 1975. – 112 с.; Муродов О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зерафшана. – Душанбе, Дониш, 1979. – 116 с.; Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в) – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 213 с.

Говоря об источниковедческом направлении, следует отметить перевод Авесты на узбекский язык<sup>33</sup> и исследования комментаторского характера к данному письменному памятнику в рамках различных дисциплин<sup>34</sup>.

В рамках регионального направления объектом специальных исследований стали также проявления древних верований в семейном образе жизни и традиционной ритуальной одежде каракалпакского народа<sup>35</sup>, быт и семейная обрядность населения Ферганской долины<sup>36</sup>. Особенно хотелось отметить археологические данные, отражающие древние верования в погребальной обрядности и других ритуалах, представленные в трудах А. Анарбаева, Ф. Максудова и Б. Матбабаева<sup>37</sup>.

В рамках предметного направления в последние годы ведутся работы по исследованию вопросов, связанных с реликтами древних религиозных воззрений узбеков в традиционной материальной культуре и её локальных сегментах, в обрядах и ритуалах, связанных с жилищем, одеждой и кухней<sup>38</sup>.

Наряду со специализированными исследованиями появляются первые работы обобщающего характера, среди которых хотелось бы отметить статью Р.Х. Сулейманова<sup>39</sup>. В ней был рассмотрен генезис целого ряда

---

<sup>33</sup> Авесто. Тарихий-адабий ёдгорлик / Аскар Маҳкам таржимаси. – Т.: Шарқ, 2001. – 338 б.; Авесто. Яшт китоби / М. Исҳоқов таржимаси. – Т.: Шарқ, 2001. – 128 б.; Авеста: «Ведевдот» китоби / М. Исҳоқов таржимаси. – Т., 2007. – 100 б.

<sup>34</sup> Материалы международной конференции «Авеста» и ее место в истории развития человечества. – Ташкент-Ургенч, 2001. – 186 с.; Ҳомидов Ҳ. «Авесто» ва тиббиёт. – Т.: Ибн Сино, 2001; Его же. «Авесто» файзлари. – Т.: Мерос, 2001. – 91 б.; Рўзибоев С., Собирова Н. «Авесто» мифологияси ва Хоразм фольклори. – Урганч, 2001; Сағдуллаев А. «Авесто»нинг илк диний маросимларини ўрганишда археологик маълумотлар // *O'zbekiston tarixi*. – 2001. – № 3. – Б. 3-8; Мирзаев Т., Жўраев М. «Авесто» мифологияси ва ўзбек халқ оғзаги ижоди // *O'zbekiston tarixi*. – 2001. – № 3. – Б. 30-38.

<sup>35</sup> Камолова Р.С. Традиционные верования в семейно-бытовой обрядности каракалпаков.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Нукус, 1996. – 24 с.; Есбергенов Х.Е. Ритуальная одежда каракалпачек – кок-койлек // *Вестник Каракалпакского отд. АН РУз*. – 2002. – № 3. – С. 66-67.

<sup>36</sup> Хаклиев В.Б. Сельская община Северной Ферганы в конце XIX – начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Т., 1998. – 24 с.; Турсунов Б. Конибодом воҳаси аҳолиси оилавий маросимлари.: Тарих фан. номзоди ... дис. – Т., 2001. – 168 варақ; Фарғона водийси этнографиясининг долзарб муаммолари мавзусидаги Республика илмий анжумани материаллари. – Наманган, 2003. – 212 б.; Абдуллаев У. Фарғона водийсида этнослараро жараёнлар. – Т.: Янги аср авлоди, 2005. – 216 б.

<sup>37</sup> Матбабаев Б.Х. Осуурии Ферғаны // *Общественные науки в Узбекистане* (далее – ОНУ). – 1994. – № 2. – С. 43-47; Его же. Шимолий Фарғонанинг дафн маросимлари // ОНУ. – 1994. – № 5. – С. 21-28; Его же. Фарғона водийси аҳолисининг илк ўрта асрлар даври диний қарашларини дафн маросимларида акс этиши (Мунчоктепа мисолида) // *ИМКУ*. Вып. № 35. – Т., 2006. – С. 156-162; Анарбоев А. IX-XII асрларда Ўзбекистон худудидаги турар жойлар билан боғлиқ урф-одат ва эътиқодий қарашлар (Ахсикент материаллари асосида) // *Ўзбекистон этнологиясининг долзарб муаммолари*. – Тошкент-Наманган, 2007. – Б. 212-215; Анарбаев А.А., Максудов Ф.А. Древний Маргилан. (Из истории земледельческой и городской культуры Ферганы). – Т.: Фан, 2007. – С. 135-141.

<sup>38</sup> Бўриев О.Б. Анъанавий уй қуриш билан боғлиқ расм-русмлар // *Ўзбек халқи боқий қадриятлари*. – Қарши, 2005. – Б. 83-94; Содикова Н. XIX–XX асрларда ўзбек миллий қийимлари. – Т.: Шарқ, 2001; Зунунова Г.Ш. Жилище в ритуально-обрядовой системе узбекского этноса (на материалах махалли г. Ташкента) // *Ўзбекистон этнологияси: янги қарашлар ва ёндашувлар*. – Т., 2004. – Б. 134-140; Давлатова С.Т. Ўзбек миллий қийимлари: анъанавийлик ва замонавийлик. – Т.: Янги аср авлоди, 2006. – 213 б.; Абдуллаев У.С. Халқ анъанавий таомларида этник ва иноэтник компонентлар // *Фарғона водийсидаги этнослараро жараёнлар...* – Б. 122-142; Исоқов Б., Исоқова Н. Навруз байрамнинг маросимий таомлари // *Ўзбекистон этнологиясининг долзарб муаммолари...* – Б. 205-211; Гюль Э. Жойнамоздаги рамзлар // *San'at*. – 2001. – № 3. – Б. 13-16.

<sup>39</sup> Suleimanov R. On Relicts of ancient Culture and Ideology in Islam in Central Asia // *Oriente Moderno*. – Rim, 2007. – № 1. – P. 163-175.

древних локальных культов, таких как *Коркут Баба*, *Хазрати Али*, *Шахи Зинда*, *Биби Сешанба*, *Анбар ана* и др. Кроме того, в совместной монографии И. Джаббаров и Г. Дресвянской дан ряд ценных сведений о генезисе древних религиозных автохтонных культов и верований Средней Азии<sup>40</sup>. В комплексе с историей мировых религий вопросы происхождения древних верований и ранние формы религии представлены в совместной работе И. и С. Джаббаровых<sup>41</sup>.

В целом в исследованиях периода независимости были пересмотрены методологические подходы к оценке ритуальной обрядности, изменилось предметное поле исследований, наметилась тенденция к осуществлению широких и комплексных изысканий с применением различных методологических и теоретических подходов.

Вместе с тем, следует отметить сохраняющиеся тенденции описательности, а также недостаточную степень внедрения новейших достижений зарубежной этнологии в практику отечественных исследований.

Пятая историографическая группа представлена исследованиями зарубежных авторов, отличающимися как характером методологических подходов, так и предметным полем исследуемых вопросов.

Оценивая современную российскую этнологию, можно констатировать в ней как традицию преемственности, так и новые методологические подходы в изучении этнологии Центральной Азии.

Труд В.Н. Басилова «Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана» является продолжением предыдущих изысканий данного автора. В нем впервые представлено всестороннее исследование истории, традиций и обрядов шаманизма у народов Средней Азии и Казахстана, в том числе ритуальная практика шаманов Ферганской долины<sup>42</sup>. В работах М. Мейтарчян, А. Хисматулина и М. Крюковой погребально-поминальные обряды зороастрийцев были рассмотрены на основе сопоставительных данных археологии и этнографии также в хронологически-региональном аспекте<sup>43</sup>. В исследованиях С.Н. Абашина<sup>44</sup> и О.А. Горшуновой<sup>45</sup> проанализированы вопросы генезиса и мифологии культов некоторых святых мест Ферганской долины – Шахимардан, Сафед Булан, Ходжи Барор, а также культов семи святых, Искандера Зулькарнайна и Бурханиддина Килича. В

---

<sup>40</sup> Джаббаров И., Дресвянская Г. Духи, святые, боги Средней Азии: очерки по истории религии. – Т., 1993. – 223 с.

<sup>41</sup> Жаббаров И., Жаббаров С. Жакон динлари тарихи. – Т.: Ўзбекистон, 2002. – Б. 33-70.

<sup>42</sup> Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1992. – 325 с.

<sup>43</sup> Мейтарчян М.Б. Зороастрийский погребальный обряд (хронологический и локальный варианты). – М.: Институт востоковедения РАН, 1992; Ее же. Погребальный обряд зороастрийцев. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999; Хисматуллин А.А., Крюкова М. Смерть и похоронный обряд в зороастризме. – СПб., 1997. – С. 169-255.

<sup>44</sup> Абашин С.Н. Шахимардан / Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. – М., 1999; Его же. Семь святых братьев / Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. – М., 2003. – С. 18-40; Его же. Культ Двурогого Искандера у горцев Центральной Азии // СЭС. Вып. IV. – М., 2006. – С. 190-209.

<sup>45</sup> Горшунова О.А. Священные деревья Ходжи-Барора. Фитолатрия и культ женского божества в Средней Азии // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). – 2008. – № 1. – С. 71-82.

работе В.Л. Огудина места поклонения Ферганской долины, и связанные с ними религиозно-мифологические представления рассмотрены в новом, этноэкологическом аспекте<sup>46</sup>.

Древние верования и их реликты у народов Центральной Азии неоднократно становились объектом исследования зарубежных ученых-этнологов. В публикациях турецких исследователей Усмана Турара, Абдукадыра Инана и Фузили Байата на основе исторических источников и этнографических материалов исследуются история и современные проявления шаманства и манихейства в обрядовой практике тюркских народов<sup>47</sup>. В ряде публикаций французского исследователя Хабибы Фатхи приведены интересные сведения о генезисе женской обрядово-ритуальной практики центральноазиатского региона, в частности Ферганской долины и ее важном значении в сохранении реликтов различных религиозных верований в традиционном образе жизни населения региона<sup>48</sup>.

Специальные исследования М. Бойс<sup>49</sup> и А. Пирас<sup>50</sup>, посвященные обрядам, практикуемым по сей день в зороастрийских обществах Ирана и Индии, имеют особое значение для проведения сравнительного анализа в рамках реферируемого исследования.

В работах Т. Ямады, Р. Амайона, У. Йохансена и С. Крипнера приведены ценные положения теоретико-методологического характера, значительно расширяющие методологический инструментарий в изучении природы таких древних религиозных верований, как анимизм, магия, шаманизм и др.<sup>51</sup>

Новым для сегодняшнего состояния этнологии в Узбекистане является развитие международного научного сотрудничества<sup>52</sup>. Так, определенную ценность для настоящего исследования представляет совместная работа французского и среднеазиатского этномузыковедов Ж. Дюринга и С. Худойбердиева «Голос шамана»<sup>53</sup>, в которой наряду с анализом обрядовой музыки шаманов долины, главным образом Согдийской области (Таджикис

---

<sup>46</sup> Огудин В.Л. Страна Фергана. – М., 2002. – 198 с.; Его же. Места поклонения Ферганы как объект научного исследования // ЭО. – 2002. – № 1. – С. 63-79.

<sup>47</sup> Усмон Турон. Туркий халклар мафкуриси. – Т.: Чўлпон, 1996. – 104 б.; Inon A. Tarihte ve bugun shamanizm. – Ankara, 2000. – 173 s.; Fuzuli Bayat, Ana Hatlariyla. Turk shamanligi. – Istanbul, 2006. – 304 s.

<sup>48</sup> Nabiba Fathi. Femmes d'autorite dans l'Asie centrale contemporaine. – Paris, 2004; Ее же. Смысл женских ритуалов Биби Мушкулькушод и Биби Сешанбе в современной Центральной Азии // Традиционные и современные этнокультурные процессы в Центральной Азии. – Т., 2005. – С. 13-24.

<sup>49</sup> Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – М.: Наука, 1987. – 302 с.

<sup>50</sup> Piras A. Nel paese dei Maghi Bianchi. – Ravenna, 2001. – 170 p.

<sup>51</sup> Takoko Yamada. An anthropology of animism and shamanism. – Tokyo, 1999. – 165 p.; Амайон Р.Г. Покончить с терминами «транс» и «экстаз» в исследованиях шаманизма // ЭО. – 2007. – № 1. – С. 6-18; Йохансен У. Экстаз и одержимость: различия в переживаниях шаманов Сибири и Центральной Азии // ЭО. – 2007. – № 1. – С. 19-31; Крипнер С. Методы психологического исследования и сообщение об аномальных явлениях в практике шаманов // ЭО. – 2007. – № 1. – С. 46-55.

<sup>52</sup> Karimov E., Abramson D. «Sacred Sites, Profane Ideologies: Religious Pilgrimage and the Uzbek State» / Everyday Life in Central Asia Past and Present / Edited by Jeff Sahadeo and Russell Zanca. Indiana University Press, 2007.

<sup>53</sup> During Jan, Khudoberdiev S. La voix du čamane etude sur les baxshi Tadjiks et Ouzbeks. – IFEAC. – L'Harmattan, 2007. – 231 p.

тан), изложен ряд положений относительно локальных особенностей шаманства у оседлых узбеков и таджиков.

В заключительной части главы, посвященной анализу теоретико-методологической и историографической части исследования, сделаны следующие выводы:

– историографический анализ темы исследования выявил ступенчатость и основные тенденции ее развития: от фрагментарного и описательного освещения, основанного на бытовых наблюдениях, к академическому системному и специализированному изучению, опирающемуся на различные базы данных. Оформляются направления исследований на основе следующих принципов: источниковедческого, регионального и предметного. В дисциплинарном отношении можно говорить о становлении и оформлении двух базовых подходов к теме исследования: религиоведческого и этнографического/антропологического. В рамках этих направлений и подходов можно выделить целый спектр различных концептуальных парадигм – по содержанию, методологическим и идеологическим основаниям.

**Во второй главе «Древние верования и религии»** на основе историко-этнографического материала рассматриваются история, эволюция и локальные особенности тотемизма и шаманства в Ферганской долине. Дается анализ традиций и обрядов, корни которых восходят к зороастризму.

Как и большинство народов мира в древности, предки тюркских народов обожествляли отдельные предметы и явления природы. Постепенно элементарные религиозные воззрения сформировались в такие верования, как тотемизм, фетишизм, анимизм и шаманизм.

Наиболее распространенными тотемами тюркских народов в древности являлись волк, медведь, орел, змея, коза, баран, бык, дерево и др.<sup>54</sup> В произведении Абдулгази Бахадур-хана «Шаджара-йи тарокима» (Родословная туркмен) имеются сведения о том, что во времена Огуз-хана священными птицами считались орел, кречет, сокол, филин, ястреб, ворон<sup>55</sup>. В.В. Бартольд, опираясь на сведения средневекового автора Рашид-ад-дина, отмечал, что у огузов даже в исламский период продолжал сохраняться тотемизм, и они, почитая в качестве члена своего рода какую-либо птицу, не охотились на нее и не ели ее мяса<sup>56</sup>. Наличие в составе узбеков племен с этнонимом *бургут* или *буркут* (беркут) также является отражением тотемистических воззрений<sup>57</sup>.

В результате проведенных в последние годы историко-этнографических и филологических научных изысканий выявлено около 40 тюркских этнонимов, имеющих непосредственное отношение к тотемистическим

<sup>54</sup> Толстов С.П. Древний Хорезм. ... – С. 223-226; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск, 1987. – С. 33-38.

<sup>55</sup> Абдулғозий Боходирхон. Шажарайи тарокима. – Т., 1995. – Б. 48.

<sup>56</sup> Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа / Соч. Т. 2. Ч. 1. – М., 1964. – С. 576.

<sup>57</sup> Дониёров Х. Ўзбек халқнинг шажара ва шевалари. – Т., 1968. – Б. 81; Қораев С. Этнонимика. – Т., 1979. – Б. 13.

представлениям: *авджин, бука, багыш, бахрин, авшин, бугун, байбури, гуваляк, иланлы, кальтатай, каджар, керайит, кийикчи, джавлы, алчин, сары, тайлак, тюлки, тулга, топычақ, энака, эсабай, яби, чавган, чувалай, карга, каралачин, каракуш, каракойлы, каракурсак, куйын, кузычы, кунграт, кучкаркулак*<sup>58</sup>.

В мифах тюркских народов одним из наиболее распространенных тотемов является волк, поклонение которому было характерно для многих тюркских народов. Так, по сведениям китайских авторов, в VI в. у тюрков слова «бури» (волк) и «хан» (хан) были синонимами<sup>59</sup>. В древнетюркской генеалогической легенде волчица выступает прародительницей *тюрок-тугю*. Древки их знамен были увенчаны золотой головой волка – их тотема. Исследования показывают, что культ тотема волчицы, кормящей человеческих детей, является одним из древнейших, и имел распространение еще в Древней Месопотамии<sup>60</sup>.

В историческом памятнике XI–XIII вв. «Огуз-наме» приведено множество повествований, связанных с почитанием волка<sup>61</sup>. У кунгратов – одной из этнической групп, вошедшей в состав узбекского народа, существует род *байбури*, а у каракалпаков – *байбура*, представители которых также почитали в качестве тотема волка<sup>62</sup>. Наличие таких топонимов, как *Бурилик* или *Бури* в различных районах Узбекистана, по мнению некоторых исследователей, также является отражением древних воззрений, связанных с тотемами<sup>63</sup>.

Элементы тотемизма находят отражение в различных обрядах и обычаях, практикуемых узбеками Ферганской долины. Так, в регионе весьма распространена традиция, согласно которой бездетные женщины в целях исцеления от этого недуга носят амулет из волчьих зубов. В Андижане для облегчения родовых мук женщине давали съесть небольшое количество высушенного волчьего сердца. С началом схваток с левой стороны постели клали кусок сухожилия волка, который оставляли на том же месте в течение первых семи дней жизни новорожденного.

В диссертации дан анализ некоторых обычаев и обрядов Ферганской долины, имеющих связь с древними тотемистическими представлениями о волке.

В древних религиозных воззрениях многих народов мира важное место принадлежало тотему коня, с которым связано большое количество различных поверий и обрядов<sup>64</sup>. С эпохи энеолита в степном евразийском

<sup>58</sup> См.: Маркаев К. Тотемистик тасаввурлар билан боғлиқ этнономлар // Ўзбек тили ва адабиёти. – 2005. – № 1. – Б. 95.

<sup>59</sup> Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967. – С. 23.

<sup>60</sup> Климов Г.А., Эдельман Д.И. К этимологии *albasty* // *almasty* // Советская тюркология. – 1979. – № 3. – С. 63.

<sup>61</sup> Короглы Х. Огузский героический эпос. – М., 1976. – С. 38-39.

<sup>62</sup> Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. – Л., 1950. – С. 162.

<sup>63</sup> Охунов Н. Жой номлари таъбири. – Т.: Ўзбекистон, 1994. – Б. 13.

<sup>64</sup> См. подробнее о культе и изображениях лошади: Беленицкий А.М. Конь в культурах и идеологических представлениях народов евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. Вып. 154. – М., 1978. – С. 31-39; Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. – Киев, 1979; Ремпель Л.И. Цепь времен: вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Т.: Изд-во им. Г. Гуляма, 1987. – С. 25-29.

регионе начинает складываться культ солнечного (небесного) коня. Это было определено основополагающей ролью коня в экономике и военно-политической жизни кочевых, коневодческих народов древности. Ассоциация коня с солнцем у евразийских народов имела два аспекта: с одной стороны, это заря – лошадь, т.е. восходящее солнце, с другой – это лошадь – заходящее солнце, символ загробного мира. Борьба этих двух коней-антагонистов (черного и светлого) – ипостасей дня и ночи, смерти и жизни нашла отражение в эпической традиции, похоронно-поминальных ритуалах индоевропейских и тюркских народов региона<sup>65</sup>.

Как отмечал С.П. Толстов, конь – один из основных тотемов массагетов – на протяжении тысячелетий оставался государственным символом в виде бога-всадника<sup>66</sup>. У кипчаков Ферганской долины существовал ряд родов, названия которых были связаны с тотемом коня – *турт айгыр* (четыре жеребца), *саманатлы* (букв.: имеющий буланого коня), *джети-кашка* (семь коней с белой каймой на лбу), *торы-сары* (конь гнедой масти), *кулан* (дикий конь или осел), *карабайтал* (вороная кобыла). По мнению К.Ш. Шаниязова, в древности лошадь почиталась отдельными родами кипчаков в качестве мифического прародителя<sup>67</sup>. В дальнейшем с лошадьё-тотемом, видимо, были генетически связаны ритуальные жертвоприношения кипчаков.

Народы Центральной Азии почитали также змею, как олицетворение таких стихий, как земля и вода. Змея занимала важное место в религиозных обрядах местного населения, что явственно проявилось, в частности, в изобразительном искусстве<sup>68</sup>. Среди узбеков встречаются такие названия родов, как *иланлы* – *иланны* – *джиланны* (букв.: змеиный)<sup>69</sup>. У дурменов существует род *иланлы* – *джиланны*, а одна из ветвей найманского рода именуется не иначе как *джилантамгалы* (букв.: имеющий печать змеи)<sup>70</sup>. Возникновение этих этнонимов, без сомнения, связано с описываемым тотемом.

Далее в главе рассматриваются генезис и эволюция шаманства и связанных с ним традиций у народов Ферганской долины. Идея шаманства основывается на представлении о контакте избранных служителей – шаманов с духами, обладающими божественной силой<sup>71</sup>. Считается, что в момент экстаза шамана происходит его единение с покровительствующим ему духом. Существует представление, что шаман способен принимать его облик.

---

<sup>65</sup> Аджигалиев С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. – Алматы, 1994. – С. 128

<sup>66</sup> Толстов С.П. Древний Хорезм. ... – С. 202.

<sup>67</sup> Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа ... – С. 144.

<sup>68</sup> Толстов С.П. Древний Хорезм. ... – С. 237..

<sup>69</sup> Нафасов Т. Ўзбекистон топонимларининг изоҳли луғати. – Т.: Ўқитувчи, 1988. – Б. 84.

<sup>70</sup> Қораев С. Географик номлар маъноси. – Т.: Ўзбекистон, 1978. – Б. 55.

<sup>71</sup> Eliade M. Shamanism: Archaic Techniques of Extasy // Bollingen Series. Vol. 76. – Princeton, 1974. – P. 265–266.

Древние тюркские народы называли шаманов *кам*. Первые сведения о них встречаются в китайских летописях X в. «Таньшу», в которых упоминаются *хакасы* (хягас) и их *камы* (шаманы)<sup>72</sup>. В произведениях «Кутадгу билиг» Юсуфа Хос Хаджиба (XI в.), «Словаре тюркских наречий» Махмуда Кашгари (XI в.) также встречаются сведения о шаманизме.

По существовавшим у тюркских народов традициям, в процессе посвящения того или иного смертного в шаманы, его избрание осуществлялось самими духами-покровителями. Процесс посвящения предполагал для неопита прохождение трех «ступеней»: 1) избрание духами, 2) одержимость шаманством и 3) возрождение к жизни в качестве шамана.

В Ферганской долине врачующих шаманов называют *бахши*<sup>73</sup>, *парихан* (перс.: *пари* – дух, *хондан* – читать), *фалбин* (перс.: *фал* – судьба, *бин* – видеть). Узбеки Южного Казахстана именуют их *тауб* (араб.: *табиб* – врач), в некоторых регионах они известны также как *кушнач* (термин кушнач – искаженное от *кучнач* – человек, изгоняющий духов из больного) или *кара кушнач*. В Ферганской долине последний термин не употребляется вовсе.

У узбеков Ферганской долины в большинстве случаев в качестве шаманов выступают женщины. Традиции шаманства в данном регионе имеют некоторые особенности, в частности, в отличие от шаманов казахов, туркмен и некоторых других тюркских народов, шаманы узбеков долины проводят обряды «лечения» не после захода солнца, а в дневное время.

Обряды, связанные с шаманством в других регионах происходят обычно с использованием ножей, кинжалов, мечей и т.п., тогда как шаманы-бахши Ферганской долины проводят свои обряды преимущественно в сопровождении бубна.

Наиболее распространенная функция шаманов – врачевание. Многие узбекские и таджикские шаманы, проживающие в Ферганской долине, с наступлением приступа заболевания начинают массировать тело с тем, чтобы его разогреть и заставить потеть. Так, по сведениям информаторов, известная в долине знахарка Саодат лечила коклюш, головную боль и бесплодие у женщин, Мейли, Лола бахши и знахарь Рустам занимались излечением парализованных, немых, покрытых различной сыпью, а также людей с психическими расстройствами и т.д.

Шаманство узбеков Ферганской долины интересно не только как локальный вариант некогда широко распространенного историко-культурного явления, но, прежде всего, как форма, представляющая собой позднюю стадию существования шаманства в условиях полного господства монотеистической религии. Это реликтовая форма шаманства, которая приобрела свой облик под воздействием мусульманской идеологии.

<sup>72</sup> Osman Turan. Turk cihan hakimiyeti mefkurasi tarihi. Gild 1. – Istanbul, 1993. – S. 54.

<sup>73</sup> В прошлом у туркменского и узбекского полуоседлого населения термин *бахши* использовался также для обозначения народных поэтов. Данное слово использовалось также в значении *лекарь* у казахов – *баксы*, кыргызов – *бакши* и узбеков – *бахши*. См.: Сухарева О. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М., 1975. – С. 58.



В последнем разделе главы охарактеризованы некоторые обычаи и обряды, практикуемые населением исследуемого региона, восходящие своими корнями к традициям зороастризма.

Как известно, основные нормы, законы, мораль, обычаи, обряды и традиции зороастризма изложены в Авесте. Из сведений, почерпнутых в данном источнике, известно, что в древности в среднеазиатском обществе дом (семья) именовался *имана*, род – *висья*, племя – *зантума*, страна – *дахйума*, главное духовное лицо – *заратустратэша*. Глава дома (семьи) назывался *имананати*, глава племени – *виспати*, глава страны – *дахйунати*. Словом *ноф* называли кровнородственное объединение<sup>74</sup>.

В зороастрийском обществе брак имел священное значение и заключался на всю жизнь, соответственно повторный или временный браки были запрещены<sup>75</sup>. Измена любого из супругов резко осуждалась; изменившие женщина или мужчина подвергались наказанию и считались «оскверненными»<sup>76</sup>.

Древние представления населения данного региона об ином (загробном) мире были узаконены Заратуштрой в его учении о рае и аде<sup>77</sup>. Именно в зороастризме были выработаны сложные и своеобразные нормы и правила погребальной обрядности, отдельные из которых нашли освещение в диссертации<sup>78</sup>.

В исследовании впервые выявлена параллель между зороастрийским богом *Митрой* и земледельческим культом *Бобо-Дехкана*, имеющим широкое распространение среди населения Центральной Азии. На основе историко-этнографического материала доказано, что культ *Бобо-Дехкана* сформировался в результате трансформации представлений о боге Солнца – *Митре*. Среди фактов, подтверждающих данное положение, следует привести представление о том, что *Бобо-Дехкан*, как и *Митра* в зороастрийской мифологии, появляется перед восходом солнца, покровительствует земледельцам, даруя людям благоденствие и изобилие. В обоих случаях объекты культа представлялись в виде благообразного старца в белой одежде. Согласно зороастрийской мифологии, *Митра* держит в руках золотую палицу, тогда как, по существующим поверьям, *Бобо-Дехкан* – посох.

Обычай земледельцев опоясываться платком, с завернутым в него комом земли, означает символическое «опечатывание» урожая *Бобо-*

---

<sup>74</sup> Авесто / А. Махкам таржимаси .... – Б. 185; Авесто Яшт китоби / М. Исхоков таржимаси ... – Б. 15.

<sup>75</sup> Аширов А. «Авесто» ва зардуштийларнинг оила турмуш маросимлари ҳақида // ОНУ. – 2002. – № 1. – Б. 50.

<sup>76</sup> Авесто / А. Махкам таржимаси .... – Б. 121.

<sup>77</sup> Boyce M. The Pious Foundations of Zoroastrianism // BSOAS. Vol. XXXI. Part. II. 1968. – P. 270.

<sup>78</sup> Традиции и воззрения зороастрийцев, связанные со смертью и трауром, в определенной степени освещены в научной литературе. См. подробнее: Мейтарчян М.Б. Зороастрийский погребальный обряд ... – С. 211; Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997; Аширов А.А. Ўзбек халқи мотам маросимларида зардуштийлик излари // O'zbekiston tarixi. – 2002. – № 1. – Б. 65-72.

*Дехканом*. В свою очередь, согласно сведениям, изложенным в *Авесте*, *Митра* был божеством договора, связанного с поклонением Солнцу.

В диссертации охарактеризован ряд других проявлений зороастрийской традиции в обычаях и обрядах населения Ферганской долины.

В заключении второй главы сформулированы выводы, основные из которых сводятся к следующему:

– собранный полевой материал позволяет говорить о следующих *мотемах*, имевших хождение в Ферганской долине и оставивших свои следы в этнонимах, топонимах, фольклоре и обрядовой символике региона: млекопитающих – волк, лошадь, бык, верблюд, овца (или баран); птиц – беркут, ворона; пресмыкающихся – змея; рыба (без дифференциации на виды); растительного мира – чинара, карагач;

– шаманство народов Ферганской долины, несмотря на локальные различия, представляет собой единое историко-культурное явление, которое имеет свои особенности, заключающиеся в ярко выраженной хозяйственной специфике, обрядности и ее атрибутике. Кроме того, центрально-азиатское шаманство восприняло многие компоненты ислама: мифологию, представления о духах, культы и обрядность ислама. В связи с этим ислам может быть квалифицирован как один из существенных факторов эволюции местных форм шаманства. С другой стороны, благодаря обратному влиянию ислам на территории Центральной Азии оказался обильно насыщенным традициями шаманства, особенно в таких сферах, как суфийская обрядовая практика, культ святых, анимистические воззрения и проч.;

– некоторые сохранившиеся культы центральноазиатских народов (культы Бобо-Дехкана, обмывателей умерших и др.) имеют принципиальное сходство с зороастрийскими культами и связаны с последними генетически. Представленность зороастрийских реликтов в семейной обрядности узбеков Ферганской долины значительно выше, чем в других сферах их жизнедеятельности (материальной культуре и хозяйственной деятельности).

**В третьей главе «Симбиоз древних религиозных верований в хозяйственных традициях узбеков»** на основе этнографических материалов освещен синкретизм доисламских религиозных верований с исламскими традициями в обычаях и обрядах, связанных с традиционной хозяйственной деятельностью узбеков – земледелием и скотоводством.

В целом, обычаи и обряды узбеков, связанные с земледелием, являются одним из уникальных проявлений народного мировоззрения. При этом большинство из них формировались на основе веры в магическую силу различных аграрных культов. Именно поэтому в основе большинства обычаев и обрядов, связанных с земледелием, лежит поклонение божествам неба и земли, обожествление явлений природы, восходящие своими корнями к доисламскому периоду. Благодаря этому, исследование древних аграрных культов, существовавших у народов Центральной Азии, предоставляет, во-первых, ценный материал, характеризующий древние религиозные

воззрения, связанные с земледелием, а во-вторых – позволяет понять закономерность их сосуществования и взаимодействия с исламом.

В кишлаке Каптархона Ферганского тумана вплоть до недавнего времени бытовала традиция, согласно которой в первый пахотный день, когда на поле выпускалась первая пара волов (*кош*), запряженных в плуг, жители надевали новую одежду, готовили обильные угощения и проводили этот день в празднествах<sup>79</sup>. Символическую, имеющую магическую силу вспашку первой борозды обычно осуществлял один из наиболее уважаемых старейшин селения. Считалось, что проживший долгую жизнь многолетний и зажиточный человек символически передает свои качества земле и будущему урожаю. Поэтому именно ему предназначалось запрячь первую упряжку. Обычай специальной подготовки первой упряжки для первой пахоты в известной степени был связан с аграрными культами.

Узбеки-кипчаки Ферганской долины перед началом посева читали краткую молитву–благословение, после чего один из пожилых жителей, подув на горсть семян в своих ладонях – *куф-суф*, бросал их в землю. По существовавшему поверью, первые семена предназначались птицам и насекомым. В одном из уставов земледельцев отмечалось, что «даже если грехи дехкан будут так велики как песчаные барханы, птицы будут молить [Бога] об отпущении этих грехов ...». По мнению К. Шаниязова, данный обычай также имеет непосредственное отношение к древним верованиям<sup>80</sup>.

Узбеки Ферганской долины до начала полевых работ обычно вместе с членами своих семей направлялись к мазару *Хызра* в Риштане. Паломники приносили с собой небольшое количество зерна (пшеницы или ржи), дрожжи, веревку, кусок свинца, булавку, *исырык* (трава гармала), деньги, воду и оставляли их у гробницы. Этот обряд совершался в надежде на то, что земля в новом земледельческом году будет рыхлой и плодородной, урожай – обильным, *супра* (скатерть) – полна муки, скот – многочисленным, семья – прочной как свинец, а Великий Хызр поддержит во всех начинаниях<sup>81</sup>.

По мнению ряда исследователей, культ Хызра сформировался у местного населения еще в доисламский период и являлся продуктом духовных воззрений земледельческого населения<sup>82</sup>. Генетические основы образа Хызра были неразрывно связаны с основами земледелия и культами плодородия.

Скотоводство также являлось одним из самых древнейших проявлений хозяйственной деятельности человека. Не случайно в «Авесте» мы находим освещение вопросов, связанных с почитанием домашних животных, особенно лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Согласно данному источнику, когда Заратуштра обратился к Ахура-Мазде с вопросом «какое четвертое место на свете является самым счастливым?», им был получен

<sup>79</sup> Полевые записи. Кишлак Каптархана Ферганского тумана Ферганского вилаята, 2003 г.

<sup>80</sup> Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа ... – С. 174.

<sup>81</sup> Полевые записи. Махалля Урганчибаг г. Коканда Ферганского вилаята. 2005 г.

<sup>82</sup> См.: Бартольд В.В. Ислам. Ч. 2. – Петроград, 1918. – С. 59; Низами. Искандарнамэ. – Баку, 1940. Т. 1. – С. 370; Афзалов М. Ўзбек халқ эртақлари ҳақида. – Т., 1964. – Б. 49.

ответ: «Это земля, где имеется больше всего отар баранов и табунов лошадей»<sup>83</sup>. В более позднем списке Авесты – *Хорде* приводятся сведения об *Айатриме*, т.е. «празднике, когда скот возвращается в отары»<sup>84</sup>. В текстах данного сочинения упоминается божество *Фрадат-фшава*, покровительствующее мелкому рогатому скоту<sup>85</sup>.

По поверьям местных жителей, каждое из направлений скотоводства имело своего святого покровителя и заступника, в честь которого ежегодно осуществлялись жертвоприношения. Так, покровителем овцеводства считался *Чупан-ата*, крупного рогатого скота – *Занги-ата*, коневодства – *Камбар-ата*, разведения коз – *Чигат-ата*.

О сакральном значении барана в древности свидетельствует, в частности, обычай подвешивания черепа этого животного в саду или вблизи дома в качестве оберега, предохраняющего от «дурного глаза»<sup>86</sup>.

На основе содержания третьей главы сделаны следующие теоретико-методологические выводы:

– в обычаях и обрядах узбеков Ферганской долины, связанных с традиционной хозяйственной деятельностью, по сей день сохраняется множество элементов архаических верований: тотемизма, магии, фетишизма, шаманства и различных культов. С приходом ислама в регион они гармонично интегрировались в новую мировоззренческую картину мира, сформировав тем самым один из важнейших компонентов народного ислама в Центральной Азии;

– в земледельческой обрядности сохранились преимущественно реликты культов, связанных с природой, которые в большинстве случаев, в силу важности данной сферы хозяйственной деятельности, оказались востребованы, и, в конечном итоге, были безболезненно имплантированы в ислам. «Толерантность» ислама по отношению к архаическим культам во многом объясняется тем, что основной смысл традиционных земледельческих обычаев и обрядов и их мировоззренческого содержания, связан не с доктринальными религиозными принципами, а с практической системой жизнеобеспечения: в стремлении получить хороший урожай и уберечь его от потерь;

– подобное объяснение применимо и к анализу скотоводческих обычаев и обрядов, в содержании которых заметно преобладание компонентов, связанных с магией и тотемизмом. Узбеки-скотоводы Ферганской долины посредством проведения таких обрядов стремились оградить скот от болезней и других бедствий, а также приумножить его поголовье.

<sup>83</sup> Авесто / А. Маҳкам таржимаси .... – Б. 113.

<sup>84</sup> Аширов А.А. «Авесто»дан мерос маросимлар. ... – Б. 10.

<sup>85</sup> Авесто / А. Маҳкам таржимаси .... – Б. 343.

<sup>86</sup> Абдулахатов Н., Хошимов Б. Аҳмад ал-Фарғоний. – Фарғона: Фарғона, 1998. – Б. 86.

**Четвертая глава «Реликты древних религиозных верований в материальной культуре узбекского народа»** посвящена анализу архаических проявлений в культуре узбеков.

Важнейшей составляющей материальной культуры является традиционное жилище. Значение жилища в жизни древнего человека, как приюта и убежища, обусловили сакрализацию связанных с ним атрибутов и представлений<sup>87</sup>. По мнению французского исследователя А. Леруа-Гурана, «только придавая жилью символическое значение, можно рассуждать о свойственной лишь человечеству особенности освоения места обитания (в отличие от существующего у животных инстинкта защиты)»<sup>88</sup>.

Для узбеков Ферганской долины также была характерна сакрализация представлений, связанных с жилищем. Местные жители уделяли особое внимание выбору места возведения нового жилья. Считалось, что от этого выбора в значительной степени зависит будущее семьи. В частности, жилые постройки не должны были находиться вблизи мест захоронений, а также святых мест, которые, по местным поверьям, считались обителью духов усопших.

В ряде селений Наманганского вилоята перед началом строительства жилища резали барана, а воздаяние возносили в честь духов усопших предков<sup>89</sup>. Из мяса жертвенного животного готовили ритуальные блюда (обычно плов или шурпу) для старейшин селения и участников строительства жилья. Схожие обряды при возведении жилища существуют у многих народов мира<sup>90</sup>. По мнению этнолога А. ван Геннепа, ритуальное жертвоприношение при строительстве нового дома, в основе которого лежит почитание духов-покровителей, является обычаем перехода<sup>91</sup>.

В представлениях узбеков Ферганской долины сакральным значением обладали такие атрибуты жилища, как его порог и очаг. Существовал целый ряд религиозно-магических обрядов и традиций, связанных с ними. Так, в селении Каптархона Ферганского тумана во время предродовых схваток женщина должна была три раза подпрыгнуть на пороге жилища. Смысл данного обряда заключался в том, чтобы «женщину, находящуюся между двух «путей», т.е. между жизнью и смертью, поддержал священный порог и облегчил её роды». У каракалпаков под порог жилища зарывали послед новорожденного<sup>92</sup>. Кунграты Байсунского тумана прядь волос после первой

---

<sup>87</sup> Лавонен Н.А. Функциональная роль порога в фольклоре и верованиях карел // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984. – С. 177.

<sup>88</sup> Leroi-Jourhan A. Le geste et la parole. Т. 2. – Paris, 1965. – Р. 139.

<sup>89</sup> Полевые записи. Кишлак Пешкуртан Чартакского тумана Наманганского вилаята; кишлак Гова Чустского тумана Наманганского вилаята, 2005 г.

<sup>90</sup> См. подробнее об обрядах жертвоприношения, практикующихся у различных народов в период строительства жилища: Геннеп А. ван. Обряды перехода: Семантическое изучение обрядов. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 24.

<sup>91</sup> Leroi-Jourhan A. Le geste et la parole. Т. 2. ... – Р. 139.

<sup>92</sup> Тлеуберганова Н.А. Некоторые обряды и верования каракалпаков, связанные с юртой... – С. 101.

стрижки младенца привязывали над порогом: «пусть порог наставляет на путь истины»<sup>93</sup>.

В прошлом у ферганских узбеков-кипчаков перед тем, как войти в дом жениха, новобрачная трижды прикасалась лбом к его порогу<sup>94</sup>. У узбеков ряда селений Ферганского тумана было принято стелить на порог под ноги жениха и невесты дорожку красного и белого цвета, а при рождении ребенка – белого. После того, как виновники торжества переступали порог по этой дорожке, их осыпали деньгами и сладостями.

В ходе археологических изысканий было выявлено, что сакрализация порога жилища была характерна и для более ранних исторических этапов. Так, Х.Г. Ахунбабаевым по данным раскопок на Афрасиабе и в Пянджикенте было выявлено, что в VII–VIII вв. на пороге согдийского храма проводились ритуальные жертвоприношения<sup>95</sup>. Самым древним из памятников, где проводились ритуальные жертвоприношения, связанные с данным культом, археологами признан храм на Кызылкыре в Бухарском оазисе<sup>96</sup>. Согласно древним воззрениям, дом, храм и город являлись своеобразным микромиром, а порог считался местом перехода в данный микромир из внешнего мира. Более того, именно порог считался местом, где воплощен культ предков.

Дверь в жилище, равно как и порог, также обладала символическим значением, выполняя роль связующего звена между помещением и внешним миром. Более того, дверь, согласно древним поверьям, – это грань между добром и злом, светом и тьмой, новым и старым; она также символизировала такие явления, как восход и закат солнца, встреча и проводы дня.

В следующем параграфе данной главы проанализированы древние верования, связанные с узбекской традиционной одеждой. Как известно, формирование и эволюция одежды шли в непосредственной связи с повседневной деятельностью человека, отражая его практические потребности и духовные запросы.

В диссертации охарактеризованы ритуальная практика узбекского населения Ферганской долины, связанная с традиционной одеждой, а также проявление в ней элементов древних религиозных представлений.

У ферганцев, спустя 3, 5 или 7 суток после рождения, на ребенка надевали ритуальную рубашку – *чилла куйлак* (рубашка-сорокодневка), у узбеков Ташкента, Самарканда и Бухары – *ит куйлак* (букв.: собачья рубашка)<sup>97</sup>. В период проведения свадебных церемоний невеста облачалась в специально сшитый белый наряд.

---

<sup>93</sup> Полевые записи. Кишлак Рабат Байсунского тумана Сурхандарьинского вилаята, 2004 г.

<sup>94</sup> Шаниязов К. К этнической истории узбекского народа ... – С. 322.

<sup>95</sup> Ахунбабаев Х.Г. Об одном согдийском обычае // ИМКУ. Вып. 23. – Т., 1990. – С. 199-207.

<sup>96</sup> Мухамеджанов А.Р., Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Культура древнебухарского оазиса III – I вв. до н.э. – Т.: Фан, 1983. – С. 119.

<sup>97</sup> Исмоилов Х. Анъанавий ўзбек кийимлари ... – Б. 40-41.

Как и у многих других народов Центральной Азии, у узбеков покойника перед погребением заворачивают в белый саван, в котором и провожают в иной мир. В качестве савана обычно используют белую бязь<sup>98</sup>.

Таким образом, все ключевые этапы бытия человека в этом мире сопровождались облачением в специальную ритуальную одежду. Характерно, что во всех этих случаях одежда была белого цвета, причем подол не подшивался<sup>99</sup>. Церемония облачения в ритуальную одежду сопровождалась определенными обрядовыми действиями. В целом эту одежду следует считать символическим выражением перехода человека от одного этапа жизненного цикла к другому.

Изменения цвета и способа повязывания головного платка женщиной отражали также и перемену ее социовозрастного статуса в связи с замужеством, рождением первого ребенка, рождением внука и т. п. В свою очередь каждый из этих процессов сопровождался рядом ритуальных обрядов и обычаев.

В определенной степени информацию о социальном статусе человека, а также об изменениях в его семейной жизни отражал поясной платок – *бельбаг*, являвшийся составной частью национальной одежды. Ритуальное подвязывание поясных платков мужчинами и женщинами во время свадебных церемоний или траура также имело важное значение. Так, у узбеков накинутый на шею платок со спускающимися на грудь концами означал глубокий траур, отречение от суеты жизни, т. е. являлся символом скорби<sup>100</sup>.

Тюбетейки жителей Ферганской долины выделялись сочетанием белого и черного цвета, а также узором *каламтирнусха* (стручкообразный) и *бадамнусха* (миндалевидный). Здесь следует особо отметить, что в материальной культуре народов Востока, в том числе и в одежде, всякий узор, цвет и форма несли в себе определенную смысловую нагрузку. Черно-белая расцветка чувских тюбетеек означала день и ночь, четыре угла – четыре стороны света, три кружка на каждой стороне, а всего двенадцать кружков – двенадцать знаков Зодиака. Круглая тюбетейка являлась выражением небесного свода. *Джсияк*, т.е. тесьма, нашиваемая на край тюбетейки, означала движение. Понятие места и времени в чередующихся друг друга днях и ночей нашло выражение в форме символов.

По нашему мнению, узор тюбетейки формировался на основе космогонических представлений наших предков, а сам головной убор также служил магическим средством защиты. Вероятно, именно поэтому появление на людях мужчин с непокрытой головой считалось безнравственным. В любых условиях – во время работы, намаза, трапезы, на улице, в праздники, на гулянье и даже во время сна – голову мужчины должна была венчать тюбетейка. Тюбетейка, в представлении местного населения, оберегала

<sup>98</sup> Насриддинов Қ. Ўзбек дафн ва таъзия маросимлари ... – Б. 64.

<sup>99</sup> Полевые записи. Кишлак Рават Касансайского тумана Наманганского вилаята, 2006 г.

<sup>100</sup> Шаниязов К.Ш., Исмаилов Х.И. Этнографические очерки материальной культуры узбеков (конец XIX – начало XX в.). – Т.: Наука, 1981. – С. 76; Давлатова С. Ўзбек миллий кийимлари... – Б. 58.

человека от воздействия окружающего мира, злых духов и «дурного глаза». В целом, в народе головной убор считался одним из самых священных элементов в комплексе национальной одежды, а безразличное отношение к нему являлось признаком небрежности по отношению к самому себе. Именно поэтому было запрещено обмениваться головными уборами или класть их на землю, т.е. попирать их. Со временем основное значение головного убора было утрачено, и сохранилась лишь его бытовая функция.

Одним из проявлений фетишизма является широко распространенное среди населения Ферганской долины ношение всевозможных амулетов, бус и отдельных бусин от «дурного глаза». Фетишизм, как правило, проявлялся в большинстве случаев в совокупности с различными религиозными верованиями – тотемизмом, магией, культом природы и т.д.

С распространением в регионе ислама некоторые фетишистские представления стали обретать исламское содержание. Одним из наглядных примеров явилось ношение жителями долины *тумаров* – своеобразных амулетов с сурами из Корана<sup>101</sup>.

В целом традиционная одежда не только указывала на возрастную категорию, семейное положение, социальный статус человека, но и отражала его происхождение и родоплеменную принадлежность. И самое главное заключалось в том, что национальная одежда и украшения воспринимались и почитались в качестве магических предметов, способных защитить от различных бедствий, воздействия злых сил и болезней.

Из этнографических материалов известно, что национальные блюда являются одним из важных элементов, отражающих особенности этнокультуры. На протяжении нескольких столетий они постепенно превращались в одну из важных составных частей семейно-бытовой и сезонной обрядности разных народов<sup>102</sup>. В результате этого появились специальные ритуальные блюда, связанные с определенной традицией и обрядом. В отличие от повседневной еды они стали объектом магических действий в составе обрядов, совершаемых в определенной последовательности.

Ритуальные блюда узбекского народа готовились не только в ходе семейных обрядов, связанных с празднествами по случаю рождения ребенка, обрезания, свадьбы или траура, но и в процессе совершения особых религиозных обрядов с участием женщин – *Биби Сешанба*, *Мушкулкушад*, *ашурлик*, *мавлюдлик*, а также во время проведения таких обрядов с характерными элементами шаманства, как *кучирма* и *хакикат*.

Во время Рамазан и Курбан хаита, Навруза, народных гуляний – *гули армуган* и *лола сайлы* – готовились десятки различных ритуальных блюд – *плов*, *шурпа*, *чучвара*, *халвайтар*, *халым*, *сумаляк*, *уйма*, *атала*, *чальпак*. Заслуживает внимания тот факт, что приготовление по какому-либо случаю этих блюд имело целью не только накормить участников обряда или

---

<sup>101</sup> Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма ... – С. 37.

<sup>102</sup> Листова Н.М. Пища в обрядах и обычаях // Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. – М., 1983. – С. 161.



праздника. В ходе их приготовления и потребления отчетливо проявлялись социальные взаимоотношения представителей разных общин, родов, этносов. При этом немаловажную роль играли половая принадлежность, социальный статус и религиозные воззрения участников обряда. Вместе с тем, совместная трапеза и ритуальные блюда способствовали укреплению дружественных, родственных отношений и социальных связей, а в некоторых случаях – их формированию.

В отдельных случаях некоторые блюда готовились исключительно для женщин. Так, например, яства, приготовленные в ходе обрядов *Биби Сешанба*, *Мушкулкушад*, а также в период массовых гуляний *гули армуган* – *умач ашы*, *уйма*, *чальпак* не могли потребляться мужчинами, в силу обрядового табу. Таким образом, наряду с удовлетворением физиологических потребностей людей, отдельные виды блюд в их миропонимании обладали символическими, магическими и запретительными функциями.

Проанализированный в рамках четвертой главы материал позволяет сделать следующие выводы:

– реликты домусульманских религиозных верований присутствуют во всех, без исключения, сферах материальной культуры узбеков, что свидетельствует об их большой значимости;

– структура и оформление традиционного жилища, а также прилегающей к нему территории у узбеков Ферганской долины связаны с сакральными зонами, значение и символика которых уходит к ранним религиозным верованиям (тотемизму, фетишизму, магии, культу предков, шаманизму и зороастризму). Данные зоны (порог, дверь, очаг, *тури* (верхняя (почетная) часть дома) и *пойгак* (нижняя его часть), места обмывания умерших, места контакта с духами), обрядность и символика, связанные с ними отражают сложную структуру представлений о «разных мирах» и способах перехода из одного в другой. Эти зоны подлежат охране от сглаза, злых духов, природных стихий и других негативных разрушающих воздействий и поддержанию определенного статуса (чистоте, окуривании свечами и исыком, молении и т.д.). Синкретизм доисламских и исламских компонентов в традиционном жилище заключается в том, что все магические, зороастрийские, шаманские и иные архаичные обряды всегда сопровождаются чтением аятов из Корана;

– в современной традиционной одежде узбеков также прослеживаются реликты древних верований. Они в основном проявляются в ритуальном характере одежды, связанной с переходами из одного мира в другой (рождение ребенка, брак, смерть) и защитными функциями той или иной одежды в качестве оберега от напастей, злых сил и болезней;

– национальная кухня Ферганской долины является неотъемлемым атрибутом семейно-бытовых, календарных и древних религиозных обрядов. Можно говорить об особой категории блюд, непосредственно связанных с культовым церемониалом (ритуальные блюда), а также их обрядовой функции (функция табу, магическая функция и др.).

В пятой главе «Древние религиозные верования в традиционной семейно-бытовой обрядности» на основе историко-этнографических материалов проанализированы реликты древних верований в традиционных семейно-бытовых обрядах узбеков Ферганской долины.

Семейные обряды, связанные с ключевыми этапами жизни человека, следует считать передаточными звеньями и продолжателями культурных и бытовых традиций, свойственных этносу. Традиции, связанные с жизнедеятельностью людей, в известной степени более консервативны в сравнении с социально-политическими традициями. Обряды, сопутствующие отдельным событиям жизни человека – рождение, бракосочетание, смерть – связаны не столько с рациональным мышлением, сколько с древними верованиями. Генезис большинства таких обрядов восходит корнями к древним верованиям и религиозным воззрениям. Как отмечает английский философ К. Доусон, все институты и обряды, связанные с кровным родством, браком и семьей, имеют религиозное происхождение, и большинство из них нашли свое подтверждение в религиозных санкциях<sup>103</sup>.

Из этнографической литературы известно, что входящие в семейно-бытовой церемониал обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, весьма разнообразны по своему назначению.

Так, например, на ключевых этапах жизненного пути, когда человек наиболее уязвим для воздействия темных сил, принято проводить обряд *чилля* («сорок дней») <sup>104</sup>. Обычно *чилля* проводится в период первых сорока дней после рождения ребенка, бракосочетания и смерти близкого человека. Именно на этот период выпадает большинство разного рода табуаций и охранительных действий, неукоснительное выполнение которых и является, по существующим поверьям, гарантией защиты человека от происков темных сил.

У узбеков Ферганской долины первой стрижке волос младенца (*карын сачы*) уделяется особое внимание, и она сопровождается особым обрядовым церемониалом. Согласно воззрениям предков узбеков, в волосах человека сосредоточены его душа, сила и магическая энергия, поэтому по традиции для первой стрижки приглашалась одна из уважаемых, состоятельных и многодетных женщин, а остриженные волосы с большими предосторожностями закапывали под плодовым деревом.

Весьма распространена традиция, когда при проведении первой стрижки волос на голове ребенка родители оставляют небольшую прядь в виде косички (*кокил*) в качестве обета какому-либо святому покровителю<sup>105</sup>.

<sup>103</sup> Dawson Ch. God, History and Historians: an anthology of modern Christian views of history. – New York, 1977. – P. 122.

<sup>104</sup> См. подробнее об обряде *чилля* и связанных с ним обычаях и обрядах: Чвырь Л.А. Три «чилля» у таджиков // Этнография Таджикистана. – Душанбе, 1985. – С. 69-77; Бўриев О. Чилла нима // Саодат. – 1993. – № 12. – С. 24-25.

<sup>105</sup> См. подробнее о географии распространения обряда *кокил*: Задыхина К.Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество: этнографические материалы и исследования. – М., 1951. – С. 170-171; Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Амударьи). Вып. 1. – Сталинабад, 1953. – С. 30; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма ... – С. 95-96; Фирштейн Л.А. О

Таким образом, в представлениях местных жителей волосы человека тесно связаны с его душой, а в обряде закапывания волос под плодовое дерево прослеживаются элементы культа плодородия.

Дж. Фрэйзер отмечал, что первобытный человек считал свои волосы неотъемлемой частью тела, то есть одушевленным предметом. Главы племен, жрецы и шаманы иногда всю жизнь не имели права стричь волосы, длинноволосые люди считались великими личностями, отмеченными Богом<sup>106</sup>. По мнению М. Джураева, именно подобные мифологические воззрения стали основой появления таких обрядов магического характера, как *сач тойы*, *какил койыш*, *хайдар койыш*, *сач сийпатар*, связанных с волосами человека<sup>107</sup>.

Обряд обрезания – *суннат той* – у узбеков Ферганской долины, как правило, проводится в нечетные года жизни мальчика, то есть в три, пять, семь, девять лет. Нечетное число в данном случае символизирует пожелание долгой жизни ребенку и продолжительности празднеств его близким. Согласно представлениям местного населения, всё нечетное всегда стремится к четному, а парность (четность) есть проявление совершенства.

Одним из ключевых этапов данного обрядового церемониала являлся сам акт обрезания. Непосредственно перед его началом мать ребенка окунает палец одной руки в масло, другой – в муку, что символизировало пожелание, чтобы удаляемая плоть была мягкой, а праздничный стол – обильным. Под подушку ребенка принято класть нож, перец, чеснок в качестве оберега от злых духов и «дурного глаза».

Свадебные обряды узбеков Ферганской долины являются составной частью семейной обрядности и духовной культуры. Для них наиболее характерно проявление реликтов различных древних верований – тотемизма, фетишизма, культов природы, предков, огня и очага, а также шаманства и демонологических представлений.

Обычаи и обряды, связанные со свадебными торжествами узбеков Ферганской долины, не только подразумевают собственно проведение торжества, но и включают в себе целый ряд магических приемов, направленных на ограждение молодоженов от жизненных неурядиц.

В день свадьбы ближе к вечеру невеста в сопровождении близких родственников по женской линии своеобразным «караваном» прибывала в дом жениха. В «караване» новобрачной непременно должен был находиться

---

некоторых обычаях и поверьях, связанных с рождением ребенка у узбеков Южного Хорезма // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1978. – С. 201-203; Шаханова Н.Ж. Половозрастная стратификация традиционного общества казахов (конец XIX – начало XX в.) // Этнос и этнические процессы. – М., 1993. – С. 141-142; Абашин С.Н. Кокил // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 4. – М., 2003. – С. 44-45.

<sup>106</sup> Фрэйзер Дж. Золотая ветвь ... – С. 223-225; Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии... – С. 60.

<sup>107</sup> Жўраев М. Соч магияси билан боғлиқ маросимлар // Ўзбекистон этнологияси. Янгича қарашлар ва назарий методологик ёндашувлар. – Т., 2004. – Б. 191.

маленький мальчик. Голова невесты покрыта платком<sup>108</sup>. При приближении процессии во дворе дома жениха разжигали большой костер, а жены старших братьев жениха – *янга* – выносили подслащенное молоко, а также отрез ткани. Молоко давали выпить невесте, что символизировало пожелание светлого жизненного пути и многодетности. С давних времен молоко и молочные продукты обладали у тюркских народов священным значением. У кипчаков Ферганской долины встреча невесты молоком считалось условным подтверждением ее присоединения к роду жениха.

Согласно сведениям информаторов, в момент совершения обряда бракосочетания перед женихом и невестой расстилали скатерть, на которую ставили лепешки, сахар и чашу с водой<sup>109</sup>. Затем новобрачные делали по глотку воды и передавали чашу присутствующим. Исследователи объясняют этот обычай как акт символического соединения молодых<sup>110</sup>. Скатерть, хлеб, сахар и вода, по мнению местных жителей, выражали пожелание сытной, изобильной и сладкой жизни<sup>111</sup>.

В диссертации приведено описание различных обрядов свадебного церемониала узбеков Ферганской долины, а также осуществлен анализ проявления в них реликтов древних религиозных воззрений.

Погребальная обрядность узбеков долины также выделялась наличием множества обычаев и обрядов. В состав этой обрядности входят представления, магические приемы, всевозможные табу, пожертвования и жертвоприношения, метапсихические идеи, ритуальный плач, комплект траурной одежды, связанные не только с погребением, но и с поминовением умершего в течение всего периода траура.

У кипчаков долины такие действия, как обмывание покойника, облачение тела в саван и опускание в могилу, производят самые близкие родственники умершего – *суяк эгалари* (букв.: владельцы костей). В основе данного обряда лежит представление о том, что к телу усопшего могут прикасаться только близкие родственники – «*суягимизни бегонага ушлатмаймиз*» (букв.: «не позволим чужим касаться наших костей»). Б.Х. Кармышева привела описание схожих представлений у ферганских узбеков-тюрков<sup>112</sup>. Данные представления связаны с воззрениями древних тюрков, согласно которым понятие «кости» означало родство поколений, и генетическая связь, по их мнению, происходила не через кровь, а через кости. Поскольку именно кости продолжают сохраняться после смерти человека, то через них и передается символически жизненная сила от предков к потомкам. Таким образом, древние тюрки считали, что взаимосвязь предков и потомков

<sup>108</sup> Прибытие невесты в таком наряде имеет широкое распространение у народов Средней Азии. См. подробнее: Рахимов Р.Р. Костры на пути невесты в Самарканде (За строкою О.А. Сухаревой) // СЭС. Вып. V. – М.: Наука, 2006. – С. 108-148.

<sup>109</sup> Полевые записи. Кишлак Рават Канибадамского района Согдийской области Республики Таджикистан, 2003 г.

<sup>110</sup> Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебного обряда // Труды АЭЛ. 1929. Т. VIII. – С. 182.

<sup>111</sup> Полевые записи. Кишлак Кумирчи Алтыарьского тумана Ферганского вилаята, 1997 г.

<sup>112</sup> Кармышева Б.Х. Архаическая символика ... – С. 142.

осуществляется не по принципу кровного родства, а на основе костной идентичности<sup>113</sup>. При характеристике родовой принадлежности и родственных связей у древних тюрков широко использовался своеобразный анатомический код, в том числе такое понятие, как *соок* (*суяк* – букв.: кость) – род, глава, предводитель рода.

Как и в других регионах Узбекистана, в городах Ферганской долины имелись специальные люди, занимавшиеся обмыванием покойников – *гассал*. Данное занятие передавалось по наследству, таким же образом осуществлялась подготовка учеников. В отличие от Хорезма в Ферганской долине обмыватели умерших могли жить по соседству с остальными жителями. Как правило, они обслуживали не только горожан, но и население окрестных кишлаков. Представители данной профессии, проживавшие в долине, не имели специальной одежды, как в некоторых других регионах Центральной Азии. Вместе с тем, маргиланские обмыватели умерших вплоть до 50–60-х годов XX в. носили на поясных платках особые черпаки, изготовленные из тыквы<sup>114</sup>. Такой черпак и пара рукавиц, используемых при обмывании умершего, являлись внешними атрибутами обмывателей<sup>115</sup>.

В диссертации прослеживается связь традиций *гассал* с древними служителями усопших в зороастризме – *накасалап*.

Траурная одежда узбеков изучаемого региона также имела свои особенности. В большинстве случаев траурное одеяние узбеков Ферганской долины шилось из тканей синего цвета. Вместе с тем, в Сохском тумане Ферганской области во время траура носили платья из белого *карбаса* (бязь). Здесь в свою очередь, необходимо отметить, что белый цвет считается цветом траура у многих народов мира<sup>116</sup>.

В кишлаке Авваль Ферганского тумана родственники покойного по материнской линии носили одежду синего, а со стороны отца – черного цвета<sup>117</sup>. В кишлаке Чунгбагиш Янгикурганского тумана самые близкие родственники умершего в прежние времена носили черную траурную одежду. В наше время женщины носят траурные платья синего цвета, а мужчины – традиционные халаты черного цвета, чустские тюбетейки, поясные платки<sup>118</sup>.

Можно предположить, что традиция ношения одеяний синего цвета, как олицетворение траура и скорби, связана также с древними представлениями тюркских народов о том, что душа усопшего отправляется к Тангри, т.е. на небеса.

В целом можно констатировать, что в похоронно-поминальных обрядах, входящих в цикл семейно-обрядовых ритуалов, в наибольшей

<sup>113</sup> См. подробнее: Традиционное мировоззрение тюрков ... – С. 39-40.

<sup>114</sup> Полевые записи. г. Маргилан Ферганского вилаята, 2005 г.

<sup>115</sup> Кармышева Б.Х. Архаическая символика ... – С. 144.

<sup>116</sup> Тэрнер В. Символ и ритуал. – М., 1983. – С. 72-73; Цой В.С. Изучение семейной обрядности корейцев Казахстана // СЭ. – 1983. – № 2. – С. 96-102.

<sup>117</sup> Кармышева Б.Х. Архаическая символика ... – С. 162.

<sup>118</sup> Полевые записи. Кишлак Чунгбагиш Янгикурганского тумана Наманганского вилаята, 2003 г.

степени сохранились реликты древних верований. Консервативность данной ритуальной практики может быть объяснена особым отношением людей к проведению похоронно-поминальных обрядов, вызванным как их преклонением перед смертью, так и представлениями об ответственности близких перед душой усопшего.

На основании материалов пятой главы, в диссертации сделаны следующие выводы:

– семейные обряды узбеков Ферганской долины отличаются от обрядов иных циклов своими локальными особенностями, религиозным содержанием и консерватизмом. В обрядах, входящих в данный цикл, характерно прослеживаются проявления синкретизма исламских традиций с религиозными верованиями доисламского периода – тотемизмом, анимизмом, фетишизмом, магией, шаманизмом и зороастризмом;

– основная направленность обрядов, связанных с рождением ребенка, вытекает из особого характера предшествующих рождению и первых месяцев новорожденного, когда стоит вопрос о том, будет ли дана жизнь ребенку и сможет ли он выжить. Именно на этот период выпадает большинство разного рода табуаций и охранительных действий, которые должны неукоснительно выполняться. Этим объясняется и тот факт, что обряды данного цикла пронизаны реликтами древних верований, имеющих рецептурный характер защиты жизни и здоровья матери и ребенка, а в силу этого компенсирующих абстрактно-глобальный характер системе защитных мер, прописанных в исламе;

– в традиционных свадебных обрядах рельефно представлены такие магические приемы, как *апотропеическая* или защитная магия, и *прогнотическая*, т.е. пробуждающая и соединяющая магия. Система магических приемов, входящая в первую группу, направлена на ограждение новобрачных от происков злых духов и наветов и помыслов врагов. Обряды, составляющие вторую группу, направлены на укрепление брачных уз жениха и невесты и благополучие семьи;

– различные обряды и обычаи узбеков региона, связанные с погребально-поминальным циклом, хотя в целом осуществляются в рамках исламской традиции, содержат характерные проявления реликтов архаичных верований и воззрений. Такие проявления прослеживаются, в частности, в ритуалах, совершаемых непосредственно перед кончиной человека, в отношении к «служителям мертвых» – обмывателей умерших и могильщикам, а также в различных действиях, направленных на ограждение земли, воды, растений от осквернения вещами, связанными с усопшим. В целом траурные обряды узбеков Ферганской долины наполнены глубоким духовным содержанием, включающим в себя взаимосвязь таких категорий, как Пространство и Время, Вселенная и Человек, Человек и Природа.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении диссертации подведены итоги исследования, сделаны обобщающие выводы, основные из которых сводятся к следующему:

1. Ранние религиозные верования – анимизм, фетишизм, тотемизм, магия, шаманство и зороастризм в Ферганской долине имеют древние корни. В них выражались древние представления о природных и общественных явлениях и процессах, о способах воздействия на них. С распространением и доминированием в регионе ислама они не исчезли. Адаптируясь и имплантируясь в ислам, они образовали с ним новый *обрядно-мировоззренческий симбиоз* и в этом трансформированном и синкретичном виде сохранились до настоящего времени.

2. Устойчивое сосуществование реликтов древних верований и ислама (феномен так называемого бытового «народного ислама») связан с узостью сферы функционирования доктринального ислама, разнообразием носителей интерпретации исламского знания и с характером передачи «мусульманского» мировосприятия в народе. «Народный ислам» включает в себя не только собственно классические исламские воззрения, теологию, но и реликты древних верований, сложившихся в доисламскую эпоху, образуя некий синкретизм.

3. Важное значение тотемизма в жизни древних тюркских народов обусловило заметную консервацию его реликтов в традиционных обрядах и обычаях узбеков. Тотемистические представления местного населения развивались в целом в двух направлениях: поклонения духам основоположников родов и поклонения животным и растениям, покровительствующим людям. Собранный полевой материал позволяет говорить о *тотемах* волка, лошади, быка, горного козла, беркута, змеи, рыбы, имевших хождение в Ферганской долине и оставивших свои следы в этнонимах, топонимах, фольклоре и обрядовой символике региона.

Особое место в системе религиозных воззрений предков узбеков занимал шаманизм. В доисламский период у тюркских народов региона в обязанности шаманов входило поддержание физического и духовного равновесия в обществе. Представления о том, что шаманы, находясь в экстатическом состоянии, способны свободно перемещаться в подземном, наземном и небесном мирах, а также оказывать на них воздействие, в существенной степени противоречило исламским воззрениям. Именно поэтому в период распространения ислама шаманство уходит в бытовую нишу. Кроме того, шаманство подверглось основательной исламизации, и восприняло многие компоненты ислама: мифологию, культы и обрядность ислама. С другой стороны, благодаря обратному влиянию, ислам на территории Центральной Азии оказался обильно насыщенным традициями шаманства, особенно в таких сферах, как суфийская обрядовая практика, культ святых, демонология, лечебная деятельность духовенства и разного рода целителей и проч. В процессе изучения шаманских обрядов узбеков

Ферганской долины были отмечены следующие региональные особенности: а) шаманской деятельностью занимались в основном женщины; б) шаманы-бахши совершали обряды, сеансы и психотерапевтические манипуляции только до захода солнца; в) в качестве основных атрибутов обрядов выступали бубен, четки, книги религиозного содержания, ножи и ветви ивы.

4. Проявление у узбеков Ферганской долины реликтов, преимущественно связанных с зороастризмом, говорит о духовной преемственности мировоззрения современных узбеков и верований древнего населения региона. В ходе исследования было установлено, что зороастрийские представления о человеке, природе, пространстве и времени сохранились в синкретическом виде и в исламский период. Так, очищающие обряды узбеков Ферганской долины, направленные на сохранение воды, огня, земли, воздуха от ритуального осквернения, в своей основе тесно связаны с зороастрийскими традициями. Отдельные проявления зороастрийских традиций – праздники в связи со сменой времен года, Навруз, праздники месяцев, культ предков, чтение благословений, очищающие обряды продолжают сохраняться по настоящее время. В диссертации на основе историко-этнографических материалов впервые доказано, что широко распространенный в земледельческих хозяйственных традициях культ *Бобо-Дехкана* в основе своего происхождения генетически связан с авестийским божеством *Митрой*.

5. Реликты домусульманских религиозных верований присутствуют в традиционных видах хозяйственной деятельности и материальной культуре узбеков, что свидетельствует об их большой значимости. В обрядах и обычаях, сопровождающих строительство в Ферганской долине традиционных узбекских жилищ и переселение в них, также выявлены определенные реликты древних религиозных верований. В представлениях местных жителей отдельные части дома (порог, дверь, очаг, верхняя и нижняя части дома, места обмывания умерших, место контакта с духами) и прилегающие к нему территории, обладают сакральным значением. Синкретизм доисламских и исламских компонентов в традиционном жилище заключается в том, что все магические, зороастрийские, шаманские и иные архаичные обряды всегда сопровождаются чтением аятов из Корана.

6. Исследование традиционной одежды узбеков Ферганской долины выявило, что, кроме специфики хозяйственной деятельности, климатических и ландшафтных условий обитания, на ее эволюцию влияние оказали и религиозные убеждения, в том числе и древние верования. Они в основном проявляются в особом характере одежды в связи с переходами из одного мира в другой (рождение ребенка, брак, смерть) и функциями той или иной одежды в защите человека от напастей, злых сил и болезней.

7. Семейные обряды узбеков Ферганской долины отличаются от обрядов иных циклов своими локальными особенностями, религиозным содержанием и консерватизмом. Обряды данного цикла, по сравнению с другими сферами жизни, в большей мере сохранили пласты архаических



верований. Основным смыслом реликтов древних верований в традиционной семейно-бытовой обрядности связан с процессами перехода из одного мира в другой (рождение, создание семьи, смерть) и воздействием на благоприятные условия и результаты переходов (долголетие, здоровье, благополучие в семье, деторождаемость, спокойная старость и умиротворение в ином мире).

В целом можно констатировать сохранение реликтов древних верований и воззрений практически во всех сферах традиционной жизни узбеков Ферганской долины. Несмотря на то, что их истинное значение и содержание в большинстве случаев стерлось из народной памяти, они по-прежнему сохранились и стали неотъемлемой частью местных форм бытового ислама в регионе.

Наличие реликтов различных верований в обрядах узбеков является дополнительным подтверждением, с одной стороны, древности национальных обычаев и ритуалов, а с другой – богатых традиций религиозной толерантности.

Традиционный образ жизни, обычаи и обряды, как и другие сферы общественной и духовной жизни, эволюционируют под влиянием научно-технического и социального прогресса, а также процессов глобализации. Изучение воздействий современных реалий на адаптационные и трансформационные процессы в реликтах древних верований является дальнейшим перспективным направлением исследований в области религиоведения и этнологии.

В диссертации разработан ряд мер и предложений рекомендательного характера, направленных на дальнейшее изучение данного компонента как духовной культуры узбекского народа:

– назрела необходимость издания в ближайшей перспективе ряда монографий и брошюр «Древние верования и мифы народов Центральной Азии», «Обряды и верования узбекского народа: прошлое и настоящее», в которых должны найти отражение древние религиозные верования как узбеков, так и других этносов региона. Подобные исследования позволят проследить многовековую историю развития этнокультуры узбекского народа и ее многообразия;

– в условиях современных реалий проблемы экологии приобретают приоритетное значение. В этой связи представляется весьма полезным изучение древних традиций и обрядов узбекского народа, направленных на бережное использование природы, а также доведение результатов этих исследований до широкой общественности.

Изучение реликтов древних религиозных верований в традиционном образе жизни узбекского народа создает возможность для возрождения некоторых утрачиваемых обрядов, являющихся неотъемлемым компонентом культурного наследия.

**Основные положения диссертации отражены в следующих  
публикациях диссертанта**

*Монографии и журнальные статьи*

1. Аширов А. Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. – Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий Давлат кутубхонаси, 2007. – 275 б.
2. Аширов А. «Авесто»дан мерос маросимлар. – Тошкент: Мерос, 2001. – 32 б.
3. Аширов А., Атаджанов Ш. Этнология. Олий ўқув юртлари учун ўқув қўлланма. – Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий Давлат кутубхонаси, 2007. – 179 б.
4. Ashirov A., Atadjanov Sh. Etnologiya. Oliy o'quv yurtlari uchun o'quv qo'llanma. – Toshkent: Moliua-iqtisod, 2008. – 189 b.
5. Аширов А. Ўзбек халқи турмуш-тарзида зардуштийлик излари // О'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2001. – № 1. – Б. 3-12.
6. Аширов А. Наврўз удумлари // Сирли Олам. – Тошкент, 2001. – № 3-4. – Б. 2.
7. Аширов А. Самовий тулпорлар // Фан ва турмуш. – Тошкент, 2001. – № 3. – Б. 30-31.
8. Аширов А. «Авесто» ва зардуштийларнинг оила-турмуш маросимлари ҳақида // О'zbekistonda ijtimoiy fanlar. – Тошкент, 2002. – № 1. – Б. 49-54.
9. Аширов А. Ўзбек халқи мотам маросимларида зардуштийлик излари // О'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2002. – № 1. – Б. 65-72.
10. Ashirov A. On the concept of Uzbek Ethnic mentality // Central Asian Studies. Vol. 8. – Seoul, 2003. – P. 261-267.
11. Аширов А. Анъанавий никоҳ тўйи маросимлари урф-одатларининг генезисига доир баъзи мулоҳазалар (Фарғона водийси ўзбеклари никоҳ тўйлари мисолида) // О'zbekiston tarixi. – Тошкент, 2003. – № 2. – Б. 38-46.
12. Аширов А. Фарғона водийси ўзбеклари мотам маросимларида қадимий эътиқодлар // Наука. Техника. Образование. Международный научный журнал. – Ош, 2003. – № 1-2. – С. 38-40.
13. Аширов А. Дуализм в традиционном образе жизни узбекского народа // Central Asian Studies Vol.9. – Seoul, 2004. – P. 148-155.
14. Аширов А. Реликты древних верований в традиционной узбекской свадебной обрядности // Тюркология. – Туркистан, 2004. – № 3. – С. 81-86.
15. Аширов А. Следы шаманских верований в жизненном укладе узбеков Ферганской долины // Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. – Нукус, 2004. – № 3-4. – С. 31-37.

16. Аширов А. «Авеста» ва деҳқончилик анъаналари хусусида айрим мулоҳазалар // *O'zbekistonda ijtimoiy fanlar.* – Тошкент, 2005. – №. 1-2. – Б. 212-217.
17. Аширов А. Миллий турмуш тарзимизда дуализм // Тафаккур. – Тошкент, 2005. – № 1. – Б. 119-121.
18. Аширов А. Этнос муаммоси замонавий тадқиқотчилар талқинида // *O'zbekiston tarixi.* – Тошкент, 2005. – № 3. – Б. 42-53.
19. Аширов А., Бўриев О. Этнослараро муносабатлар тарихига бағишланган тадқиқот // *O'zbekiston tarixi.* – Тошкент, 2005. – № 4.– Б. 76-79.
20. Аширов А. Оилавий маросимларнинг баъзи фалсафий-ахлоқий масалалари // *Фалсафа ва ҳуқуқ.* – Тошкент, 2006. – № 3. – Б. 49-51.
21. Алимova Д.А, Арифхонова З.Х., Аширов А.А., Назаров Р.Р. Еще раз о проблемах этнологии в Узбекистане // *Этнографическое обозрение.* – Москва, 2006. – № 3. – С. 107-127.
22. Аширов А., Тошева Г. Урф-одатлар замиридаги ҳикмат // Тафаккур. – Тошкент, 2006. – № 2. – Б. 92-93.
23. Аширов А. Ўзбек халқининг тураржойлар билан боғлиқ урф-одатларида диний эътиқодлар симбиози // *O'zbekiston tarixi.* – Тошкент, 2007. – № 3. – Б. 56-67.
24. Pasilov B., Ashirov A. Revival of Sufi traditions in modern Central Asia: Jahri Zikr and its ethnological features // *Oriente moderno. Nuova serie, Anno XXVI (LXXXVII), 1.* – Рим, 2007. – P. 163-175.

***Статьи в научных сборниках и тезисы выступлений  
на международных и республиканских научных конференциях***

25. Аширов А. Фарғона водийси аҳолиси турмуш тарзида зардуштийлик излари // «Авесто» китоби-тарихимиз ва маънавиятимизнинг илк ёзма манбаи» мавзуидаги илмий-амалий семинар материаллари. – Наманган, 2000. – Б. 61-65.
26. Аширов А. Туркий халқлар дунёқарашида шомонлик эътиқоди // *Зарафшон воҳаси ва унинг тарихдаги ўрни.* – Самарқанд, 2001.– Б. 109-111.
27. Аширов А. Ўзбек халқи оила маросимларида зардуштийлик излари // «Авесто» ва унинг инсоният тараққиётидаги ўрни мавзуидаги халқаро илмий конференция материаллари. – Тошкент-Урганч, 2001. – Б. 33-34 (на узб. языке). – P. 161 (на англ. языке).
28. Аширов А. Ўзбек халқининг табиат билан боғлиқ сайиллари. «Бойсун баҳори» халқаро илмий анжуман материаллари. – Тошкент, 2002. – Б. 13-14.
29. Аширов А. Қадимий диний эътиқодлар // «Авесто» ва миллий истиқлол ғояси: ватан тарихи, давлатчилик ва мафкура муаммолари» мавзусидаги Республика илмий назарий конференцияси материаллари. – Қарши, 2002. – Б. 52-55.

30. Аширов А., Пасилов Б. Следы шаманских верований в жизненном укладе народов Средней Азии // Археологические исследования в Казахстане. Труды научно-практической конференции «Маргуланские чтения-14». – Шымкент-Алматы, 2002. – С. 201-203.
31. Аширов А. Зардуштийлик ва ўзбек халқининг анъанавий маросимлари // Ўрта Осиё тарихи манбашунослиги масалалари. – Тошкент, 2003. – Б.120-126.
32. Аширов А. Реликты древних верований в традиционной узбекской обрядности // Анъанавий халқ маданиятини сақлаш муаммолари. Халқаро илмий анжуман материаллари. – Бойсун, 2003. – С. 38-40.
33. Аширов А. Шарқ бозорларининг ўзига хос хусусиятлари ҳақида баъзи мулоҳазалар // Ўзбекистон урбанистик маданияти мавзусидаги халқаро илмий конференцияси материаллари. – Тошкент, 2003. – Б. 145-150.
34. Аширов А. Фарғона водийси аҳолиси анъанавий маросим ва урф-одатларида ранглар рамзи // Фарғона водийси этнографиясининг долзарб муаммолари мавзусидаги Республика илмий анжумани материаллари. – Наманган, 2003. – Б.14-18.
35. Аширов А. Фарғона водийси ўзбекларининг турмуш тарзида шомонлик эътиқоди излари // Фольклоршунослик. – Навоий, 2003. – Б. 33-48.
36. Аширов А., Каюмов А. Некоторые особенности этнического состава населения Байсуна // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 1. – Ташкент, 2003. – С. 40-44.
37. Аширов А. Роль и значимость тотемизма в мировоззрении тюркских народов // Тюрко-согдийский синтез и развитие проблемы культурного наследия. – Ош, 2004.– С. 166-168.
38. Аширов А. Ўзбек миллий менталитети ҳақида баъзи мулоҳазалар // «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги республика илмий-назарий семинари материаллари. – Тошкент, 2004. – Б. 53-56
39. Аширов А. Ўзбек халқи этнологияси мустақиллик йилларида: ютуқлар, муаммолар ва уларнинг ечимлари // «Ўзбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва назарий-методологик ёндашувлар» мавзусидаги халқаро илмий анжуман материаллари. – Тошкент, 2004. – Б. 24-32
40. Ashirov A. On the problem of initiation and cyclical in Uzbek family ceremoniss in the 20<sup>th</sup> century // XX<sup>th</sup> Century in the history of Central Asia. – Tashkent, 2004. – P. 61-63.
41. Аширов А. Замонавий ўзбек этнологияси: ютуқлар, муаммолар ва ривожланиш истикболлари // Марказий Осиёда анъанавий ва замонавий этномаданий жараёнлар. – Тошкент, 2005. 1-қисм. – Б. 36-44.
42. Аширов А. Қипчоқлар // Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. – Тошкент, 2005. 11-жилд. – Б. 10-11.
43. Аширов А. Этнос муаммоси академик тадқиқотчи нигоҳида ва этнологиядаги замонавий назариялар таҳлили // Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда. – Тошкент, 2005. – Б. 261-266.

44. Аширов А. Этногенез // Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. – Тошкент, 2005. 10-жилд. – Б. 282-283.
45. Аширов А. Ўрта Осиё халқларининг исломгача бўлган анъаналари ва ижтимоий-сиёсий ҳаётида аёл мавқеи // Ўзбекистон хотин-қизлари кеча ва бугун. – Тошкент, 2005. – Б. 24-29.
46. Аширов А., Каюмов А. Бойсун аҳолисининг анъанавий турмуш-тарзи: ўтмишда ва ҳозирда // Бойсун тарихи ва анъаналари. – Тошкент, 2005. – Б. 97-100 (на узб. тилида.); – С. 101-104 (на рус. тилида.); – Р. 94-97 (на инг. тилида.).
47. Аширов А., Каюмов А. Ўзбеклар // Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. – Тошкент, 2005. 10-жилд. – Б. 487-492.
48. Аширов А.А. Ўзбек халқи анъанавий турмуш тарзида ранглар ва улар билан боғлиқ анъаналар // Филологик тадқиқотлар. Илмий мақолалар тўплами. 1-китоб. – Навоий, 2006. – Б. 95–102.
49. Аширов А. Қадимий диний эътиқодлар муаммоси тадқиқотчилар талқинида // Ўзбекистонда тарих фани: ютуқлар ва ривожланиш муаммолари. 1 қисм. Тошкент, 2006. – Б. 119-125.
50. Аширов А., Давлатова С. Ўзбек миллий кийимлари // Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. – Тошкент, 2006. 12-жилд. – Б.82-87.
51. Аширов А., Саримсоқов А. Фарғона водийси ўзбекларининг деҳқончилик билан боғлиқ маросимлари ва урф-одатлари // Ўзбекистон худудида деҳқончилик маданиятининг тарихий илдизлари ва замонавий жараёнлар. – Тошкент, 2006. – Б. 98-105.
52. Шониёзов К., Аширов А. Ўзбек миллий урф-одатлари, маросимлари ва анъаналари // Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. – Тошкент, 2006. 12-жилд. – Б.76-81.
53. Аширов А. Ўзбекистонинг муқаддас зиёратгоҳлари ва диний бағрикенглик масалалари // Узбекистан – страна толерантности. – Ташкент, 2007. – Б. 61-65.
54. Аширов А.А. Этнологиядаги янги концепциялар ва истиқболли йўналишлар // Этнология фанининг долзарб муаммолари мавзуидаги илмий анжуман материаллари. – Наманган, 2007. – Б. 16-21.
55. Аширов А. Ўзбек халқининг анъанавий оилавий маросимларида исломгача бўлган ва исломий эътиқодларнинг синкретлашуви // «Ўзбекистоннинг ислом цивилизацияси ривожига қўшган ҳиссаси» мавзуидаги халқаро илмий анжуман материаллари. – Тошкент-Самарқанд, 2007. – Б. 408-409.
56. Аширов А. Традиционные религиозные воззрения и обрядность узбекского народа // Исламские ценности Центральной Азии: толерантность. Историко-философские аспекты. Материалы международной научной конференции. – Ташкент, 2008. – С. 194-200.

**Тарих фанлари доктори илмий даражасига талабгор Аширов Адхамжон Азимбоевичнинг 07.00.07 – Этнология ихтисослиги бўйича «Ўзбек халқи анъанавий турмуш тарзида қадимий диний эътиқодлар (Фарғона водийси материаллари асосида)» мавзусидаги диссертациясининг**

**РЕЗЮМЕСИ**

**Таянч (энг муҳим) сўзлар:** Фарғона водийси ўзбеклари, дин, диний эътиқодлар, магия, тотемизм, анимизм, фетишизм, шомонлик, зардуштийлик, маросимлар, урф-одатлар, синкретлашув, генезис, моддий маданият, хўжалик анъаналари, оилавий маросимлар.

**Тадқиқот объекти:** Фарғона водийси худудида яшовчи ўзбекларнинг оила-турмуш маросимлари, хўжалик анъаналари ва моддий маданиятида исломий анъаналар билан синкретик тарзда сақланиб қолган қадимий диний эътиқодлар.

**Ишнинг мақсади:** тарихий-этнографик материаллар асосида Фарғона водийсида яшовчи ўзбеклар турмуш тарзидаги қадимий диний эътиқодлар изларини этнологик аспектда комплекс тадқиқ қилиш.

**Тадқиқот усули:** илмийлик, тарихий ёндашув, тизимлаштириш, қиёсий таҳлил, тўпланган материалларни холис баҳолаш ҳамда этнологик тадқиқотларнинг махсус усуллари (кузатув, интервью, суҳбат).

**Олинган натижалар ва уларнинг янгилиги:** тадқиқотда тарихий-этнографик аспектда Фарғона водийси ўзбекларининг анъанавий турмуш тарзидаги қадимий диний эътиқодлар излари яхлит бир илмий муаммо сифатида тадқиқ қилинган. Ишда қадимий диний эътиқодий тасаввурларнинг пайдо бўлиш тарихи, шаклланиши, эволюцияси ҳамда уларнинг ўзига хос хусусиятлари ва таснифи тарихий-этнографик ҳамда археологик материаллар асосида ўрганилган. Шунингдек ўзбек халқининг анъанавий хўжалиги, моддий маданияти ва оилавий маросимларида намоён бўладиган қадимий диний эътиқодлар билан боғлиқ кўринишлар илмий асосда таҳлил қилинди.

**Амалий аҳамияти:** диссертация материаллари Марказий Осиё, жумладан, Ўзбекистон худудидаги исломгача бўлган диний эътиқодлар ва мафкуравий қарашларнинг тарихий асосларини ўрганишда ҳамда дин тарихини тарихий-этнографик материаллар асосида комплекс тарзда тадқиқ қилишда янги йўналишга манбавий асос бўлади. Шунингдек ишда баён қилинган илмий хулосалар ва назарий-методологик қарашлар миллий истиқлол ғоясининг диний илдиэларини теран англашда муҳим илмий асос бўлиб хизмат қилади.

**Тадбиқ этиш даражаси ва иқтисодий самарадорлиги:** диссертация мавзуси бўйича 56 та иш, шу жумладан, битта монография, битта рисола, битта ўқув қўлланма, 52 та илмий, илмий-услубий мақола ва тезислар чоп этилган. Ушбу нашрлардан Олий таълим муассасалари талабалари, илмий ходимлар ҳамда кенг жамоатчилик улардан фойдаланиб келмоқда.

**Қўлланиш соҳаси:** тадқиқот натижалари Ўзбекистон тарихи ва дин тарихига оид фундаментал асарлар тайёрлашда, этнология ва диншунослик фанлари бўйича махсус курслар ва ўқув қўлланмалари яратишда фойдаланиш мумкин.

## РЕЗЮМЕ

диссертации Аширова Адхамжона Азимбоевича на тему «Древние религиозные верования в традиционном быту узбекского народа (по материалам Ферганской долины)» на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнология

**Ключевые слова:** узбеки Ферганской долины, религия, религиозные верования, магия, тотемизм, анимизм, фетишизм, шаманство, зороастризм, традиции, обычаи, синкретизм, генезис, материальная культура, бытовые традиции, семейные обычаи.

**Объект исследования:** реликты древних религиозных верований узбекского народа на основе их проявления в традиционном хозяйстве, семейно-брачных обычаях и материальной культуре наряду с синкретизацией с исламскими традициями узбеков, проживающих на территории Ферганской долины.

**Цель работы:** комплексное исследование в этнологическом аспекте древнейших корней религиозных верований узбеков, проживающих на территории Ферганской долины, на основе историко-этнографических материалов.

**Метод исследования:** научность, исторический подход, систематизация, сравнительный анализ, объективная оценка собранного материала, методы этнологического исследования (наблюдение, интервью, беседа).

**Полученные результаты и их новизна:** корни религиозных верований в традиционной жизни узбекского народа Ферганской долины изучаются в качестве единой научной проблемы в историко-этнографическом аспекте. На основе историко-этнографических, археологических материалов анализируются зарождение, формирование, эволюция и специфические особенности религиозных верований. Научному анализу подвергаются религиозные взгляды, проявляющиеся в традиционной семейной жизни, материальной культуре и укладу жизни узбекского народа.

**Практическая значимость:** материалы диссертации послужат источниковой базой для изучения исторических основ религиозных воззрений и идеологических верований, существовавших на территории Центральной Азии, в частности Узбекистана в доисламский период, а также для комплексного исследования истории религии на основе историко-этнографических материалов. Таким образом, научные выводы и теоретико-методологические заключения, обоснованные в работе, могут стать научной основой для объяснения религиозных корней национальной идеологии.

**Степень внедрения и экономическая эффективность:** опубликован 56 научных и научно-методических работ, в том числе одна монография, одна брошюра, одно учебное пособие и более 52 научно-практических статей и тезисов. В настоящее время ими пользуются студенты ВУЗов и научные сотрудники.

**Область применения:** результаты, полученные в рамках настоящего исследования, могут быть применены при написании фундаментальных трудов по истории Узбекистана, истории религии, в разработке спецкурсов и учебных пособий по этнологии и религиоведению.

## RESUME

### **Thesis of Ashirov Adhamjon Azimboevich on the scientific degree competition – Doctor of Historical Sciences, specialty 07.00.07 – Ethnology on subject “Ancient religious beliefs in the traditional life of Uzbek people (on the example of Fergana valley)”**

**Key words:** uzbeks of Fergana valley, religion, religious beliefs, magic, totemism, animism, fetishism, shamanism, Zoroastrism, traditions, customs, syncretism, genesis, material culture, daily traditions, family customs.

**Subject of the inquiry:** scientific analysis of ancient religious beliefs of Uzbek people, family-marital rituals of Uzbeks, living on the territory of Fergana valley, daily traditions kept in the material culture along with syncretization of Islamic traditions.

**Aim of the inquiry:** complex study of ethnological aspects of the ancient roots of Uzbek religious beliefs living on the territory of Fergana valley based on historical ethnographic materials.

**Method of the inquiry:** scientific research, historical approach, systematization, comparative analysis, objective evaluation of gained materials and specific methods of ethnological research (observation, interview, conversation).

**Gained results and their novelty:** in this work the roots of religious beliefs in the traditional life of Uzbeks of the Fergana valley are studied as a whole scientific problem from the historical-ethnographical perspective. The origins, formation, evolution and specific features of religious beliefs are analyzed based on historical-ethnographical and archeological materials. Thus, religious beliefs observed in the traditional life and material culture of Uzbeks are analyzed.

**Practical value:** materials from the dissertation can be used as sources for studying historical basis of religious beliefs and ideological views existed in Central Asia, in particular in Uzbekistan before Islamic penetration and for complex studies on history of religion on the basis of historical-ethnographic materials. Therefore, scientific and practical-methodological conclusions of this work will be a scientific basis for explanation of religious roots of national ideology.

**Degree of implementation and economical effectiveness:** on the dissertation topic there were published 56 scientific and scientific-methodological works, including 1 monograph, 1 brochure, 1 textbook, and 52 scientific-practical articles and conference proceedings. Currently these publications are used by university students and researchers.

**Sphere of usage:** results, gained within this study can be used during preparation of fundamental works on history of Uzbekistan, history of religions, and for elaboration of specialty courses and textbooks on ethnology and religious studies.



---

Босишга рухсат этилди: 19.05.2008. Хисоб нашриёт табоғи 3,25  
Шартли босма табоғи 3,0 Бичими 84x60 <sup>1/16</sup> Адади 100 Буюртма 58  
ООО «GEO FAN POLIGRAF» босмахонасида чоп этилди  
100170 Тошкент шаҳри, И.Мўминов кўчаси 13 уй





